

Элли Ван Хаутен

ЧУЖКАЯ ЗЕМЛЯ: ВТОРЖЕНИЕ

Элли Ван Хаутен

Чужая Земля: Вторжение

«Автор»

2026

Ван Хаутен Э.

Чужая Земля: Вторжение / Э. Ван Хаутен — «Автор», 2026

Они пришли за Землёй. Люди приняли их за спасителей. Реки пересыхают. За глоток воды готовы отдать всё. Когда над измученной планетой вспыхивают багровые столпы света, человечество наконец слышит обещание спасения. Голос Небесного Пастыря зовёт войти в свет — и оставить страдания позади. Миллионы верят. Никто не возвращается. Шестнадцатилетняя Эстер тоже должна вознестись. Так решил её отец, готовый голодом и жаждой вытравить из дочери последние сомнения. Но однажды ночью с неба выпадает пепел. Среди его частиц Эстер находит то, чего не должно быть в следах чуда. Теперь ей предстоит бежать из собственного дома и убедить людей, что они идут на смерть. Только как предупредить тех, для кого твой страх — грех, а доказательства — искушение? И кому поверят соседи, если именно в колодце твоего отца появилась вода? Пастырь уже знает о её неповиновении. И скоро он потребует привести к свету тех, кто ещё способен сказать «нет».

© Ван Хаутен Э., 2026

© Автор, 2026

Элли Ван Хаутен

Чужая Земля: Вторжение

Элли Ван Хаутен

Чужая Земля: Вторжение

Предисловие

Последнюю воду в доме берегли для тех, кто ещё мог глотать.

Её держали в стеклянной банке под кроватью. На стенке карандашом отмечали уровень, чтобы утром проверить, не пил ли кто-нибудь ночью. В темноте лежали без сна и прислушивались к дыханию близких. Иногда скрипела половица — и человек, которого любили всю жизнь, на несколько секунд становился вором.

Дети быстро усвоили, что плакать бесполезно. После слёз хотелось пить ещё сильнее.

Земля высыхала медленно. Достаточно медленно, чтобы каждое новое лишение успевало стать привычкой. Сначала перестали поливать газоны. Потом закрыли бассейны. Затем в больницах начали протирать лица влажной тканью, которую после каждого пациента отжимали над ведром.

По телевизору ещё показывали океан. Огромную синюю воду, до которой было невозможно добраться и которую нельзя было пить. Люди смотрели на неё с ненавистью.

В Харвесте высохшее русло реки превратили в дорогу. Машины ездили по дну, где прежде ловили рыбу. Иногда из-под колёс выскакивала белая раковина и разбивалась о камни. Никто уже не останавливался, чтобы поднять её.

С каждым месяцем церковь наполнялась всё сильнее.

Туда приходили с пустыми канистрами, хотя воды там тоже не было. Приносили больных детей, усаживали стариков поближе к открытым дверям. Просили прощения за поступки, которых раньше не стыдились. Людям требовалось объяснение: они должны были знать, за что мучаются и что нужно сделать, чтобы мучение закончилось.

Виноватому человеку можно дать надежду. Нужно лишь назвать цену прощения.

Поэтому, когда в небе появился первый багровый столп, многие опустились на колени прежде, чем услышали голос.

Свет стоял над полем, где уже два года ничего не росло. Он поднимался так высоко, что нельзя было увидеть его вершину. Красное сияние ложилось на крыши, проникало сквозь занавески, окрашивало воду на дне стаканов. Спящие просыпались с ощущением, что в комнате кто-то есть.

Глава 1

Мера воды

В то утро Эстер украла у отца сорок миллилитров воды.

Не целую кружку, даже не глоток, каким пили раньше: запрокинув голову, позволяя воде пролиться на подбородок. Она набрала её в стеклянную мерку для лекарств. В доме больше не было лекарств, но мерка осталась. Между отметками двадцать и сорок на стекле желтела полоска известкового налёта.

Эстер стояла босиком у кухонного стола и прислушивалась к потолку. Над ней, в спальне, скрипнула кровать. Она накрыла мерку ладонью, будто воду можно было спрятать таким способом.

Отец кашлянул. Потом всё стихло.

Из окна тянуло горячим воздухом, хотя солнце ещё не поднялось над силосной башней. На дверце холодильника висела ведомость. Сайлас начертил её сам, разделив лист линейкой: число, остаток, расход, назначение. В графе «назначение» вчерашним вечером он написал: «Семья. Господь усмотрит». Запись занимала две строки, а количество — три цифры.

Эстер подняла канистру обеими руками и поставила точно на прежний след в пыли. Затем опустила тонкую деревянную рейку в горловину. Намокший край оказался чуть ниже карандашной черты. Она посмотрела на дверь, вытащила рейку и вытерла её о подол ночной рубашки.

Сорок миллилитров отец мог заметить. Он замечал вещи, которые Эстер надеялась сделать невидимыми: смятый угол страницы, грязь под ногтями после школы, слишком долгую паузу перед «аминь».

С меркой в руке она вышла через заднюю дверь.

Под ступеньками крыльца пряталась собака.

Чужая, почти без шерсти на боках, с обломком чёрного ремня вместо ошейника. Она появилась вчера после заката, легла в углубление у фундамента и не ушла, даже когда Сайлас бросил в неё камень. Отец промахнулся. Обычно он не промахивался, но в тот вечер долго работал на солнце.

Эстер присела. Собака следила за ней, не поднимая головы. Один глаз был мутный, другой — светло-карий, человечески внимательный.

— Только не стучи хвостом, — прошептала Эстер.

Она вылила воду в крышку от банки. Собака попробовала подняться, передние лапы разъехались. Эстер подвинула крышку ближе. Язык оказался сухим, тёмным; он касался воды медленно, с усилием. Эстер всё ждала, что собака начнёт лакать по-настоящему, как их старый Бен, но та только двигала языком и дрожала.

— Вот так. Ещё.

Воды хватило ненадолго.

Эстер смотрела на пустую крышку и чувствовала злость на мерку. Цифра сорок обещала определённое количество чего-то. Оказалось, что этого количества недостаточно даже для маленькой собаки.

Из дома донёсся удар: отец поставил ботинки на пол.

— Я вернусь, — сказала Эстер.

Собака закрыла здоровый глаз.

На кухне мать уже разрезала вчерашнюю кукурузную лепёшку на три части. Руфь делала это ножом для хлеба, короткими движениями, придерживая крошившийся край пальцем. Прежде она смахивала крошки в раковину. Теперь собирала в блюдце.

Эстер поставила мерку возле пустого флакона от сиропа.

— Где ты была? — спросила мать.

— На крыльце.

Руфь посмотрела на мокрый подол. Её палец замер на лепёшке.

— Оденься. Он сегодня хочет выехать раньше.

Мать не стала спрашивать о воде. Эстер не знала, была ли это помощь или только желание не услышать ответ.

В коридоре появился Сайлас. Белая рубашка, застёгнутая до предпоследней пуговицы, серые рабочие брюки. На левом запястье белел участок кожи: он снял часы три недели назад и продал их перекупщику за две запечатанные бутылки. Каждый раз, когда Эстер замечала этот след, ей хотелось пожалеть отца. Она помнила, как он учил её определять время по стрелкам, терпеливо возвращая маленькую стрелку к трём. Тогда у него были тёплые руки и он смеялся, когда она называла без четверти четыре «сломавшимися тремя».

Теперь он остановился возле канистры.

— Кто открывал?

Руфь отложила нож.

— Я готовила завтрак.

Сайлас провёл пальцем по краю крышки, проверяя резьбу. Посмотрел на ведомость. Эстер держала руки за спиной; там, на одном пальце, оставалась капля, и она незаметно стёрла её о стену.

— После еды запишешь расход, — сказал он жене.

Они сели за стол. Сайлас прикрыл глаза. Эстер смотрела на его сложенные руки. Правый большой палец тёр костяшку левого: единственное движение, которое он позволял себе во время молитвы.

— Благодарим Тебя за то, что ещё имеем. Прости нашу неблагодарность. Научи нас принимать испытание без ропота.

За окном скрипнула жестяная крыша сарая.

— Аминь, — сказала Руфь.

Эстер повторила вслед за ней.

Каждому досталось по половине кружки. Отец отпил мало, остальное оставил рядом с тарелкой. Это тоже бывало частью урока. Эстер пила, считая глотки, и ненавидела себя за то, что думала об оставленной воде.

— Сегодня у цистерны будешь стоять сама, — сказал Сайлас. — Карточку держи при себе. Ни с кем не меняйся местами. Мне нужно поговорить с людьми в часовне.

— У школы тоже выдавали, — сказала Эстер.

— Уже не выдают.

— Мисс Белл говорила, что утром...

Он поднял глаза.

— Ты пойдёшь туда, куда я сказал.

Эстер положила лепёшку на тарелку. Крошка застряла у неё между щекой и десной; вытолкнуть её языком было больно.

— Я просто подумала, там очередь короче.

— Сначала вы едете в школу за водой. Потом за едой. Потом они объясняют вам, почему засуха случилась и кто виноват. Я слышал достаточно.

Руфь подцепила ногтем крошку на столе, но промахнулась.

Сайлас повернулся к ней:

— В западном окне щель. К полудню закрой тканью. Не надо греть дом.

На этом завтрак закончился.

Эстер оделась в своей комнате на верхнем этаже. Голубое платье прилипало к лопаткам ещё до того, как она застегнула молнию. Она сняла его и надела хлопковую рубашку с длинным рукавом, которой отец не возражал, и старые джинсы. На столе лежал школьный атлас, раскрытый на странице с речными бассейнами. Мисс Белл разрешила забрать его после закрытия школы. Цветные реки занимали в нём столько места, что смотреть на страницу было почти неприлично.

У Эстер была привычка водить пальцем по Миссисипи от верховья до устья. Она знала, что синие линии ничего не содержат. И всё же иногда чувствовала облегчение, добравшись до большого голубого пятна внизу карты.

В атласе она прятала тетрадь.

Эстер не называла её дневником. Отец однажды прочёл дневник её двоюродной сестры и пересказал часть записей на семейном обеде, чтобы девочка поняла, какие мысли стыдно держать даже при себе. В этой тетради были числа: температура, время, даты последнего дождя. То, что можно было объяснить школьным заданием.

Она записала: «Пятница. В 6:10 на крыльце 33. В канистре меньше четырёх литров. Собака пьёт с трудом».

Потом вычеркнула последнюю фразу. Под ней, мельче, написала: «40».

Из двора прозвучал автомобильный гудок.

Она спрятала тетрадь, подняла пустые канистры и спустилась.

По пути к пикапу Эстер оглянулась на крыльцо. Из-под ступеней было видно только ремешок. Собака дышала: его край слабо поднимался и опускался.

Руфь стояла в дверях, держа кружку Сайласа. Воды в ней оставалось почти столько же, сколько он получил за завтраком.

На мгновение мать встретилась с Эстер глазами. Потом отступила в дом.

Дорога в Харвест проходила между кукурузными полями. На одном из них ещё стояли стебли, низкие, с туго свёрнутыми листьями. На остальных лежала стерня. Сайлас не стал перепаживать их после того, как трактор в третий раз перегрелся. У железнодорожного переезда висел рекламный щит с изображением стейка и стакана воды, покрытого каплями. Кто-то закрасил стакан чёрной краской. Из-под мазков выступала светлая полоска стекла.

Эстер отвернулась к боковому окну. Там тоже был щит, местной церкви: «ОН ЗНАЕТ, ЧЕГО ВЫ ЖАЖДЕТЕ».

Вчера последнего слова ещё не было. На его месте оставалась пустая белая рейка.

— Видишь? — спросил Сайлас.

Она не ответила сразу.

— Люди вспоминают главное, — сказал он.

Пикап подпрыгнул на трещине. Пустые канистры за спиной загремели. Эстер прижала локоть к двери и попыталась вспомнить, когда отец в последний раз говорил о чём-нибудь, не превращая это в доказательство.

На въезде в город они проехали мимо сухого пруда. Раньше на нём устраивали рыбалку для детей; отец брал выходной, покупал червей, терпеливо распутывал её леску. Теперь на дне стоял перевёрнутый дорожный конус. Пруд казался неглубоким, даже глупым. Эстер помнила, как боялась утонуть в нём, и ей было стыдно за ту маленькую себя, которую ещё можно было напугать водой.

Сайлас высадил её у муниципальной стоянки.

— Я найду тебя здесь. Не уходи.

Он подождал, пока она повторит приказ, и только тогда отъехал.

Очередь начиналась за оградой и огибала бывший садовый центр. Ряды пластиковых горшков лежали вверх дном под навесом. На воротах болтался баннер: «ПОСАДИ СВОЁ ЛЕТО». Перед ним стояла женщина с младенцем; она держала над его головой раскрытую папку.

Эстер заняла место за мужчиной в форме почтовой службы. От его рубашки пахло несвежим потом. Мужчина нёс одну канистру и складной табурет, но не сажился: очередь всё время двигалась на шаг, затем замирала.

— Из дома? — спросил он, кивнув на две ёмкости Эстер.

— Да.

— По два галлона на карточку. Остальное не дадут.

— Нас трое.

— Теперь считают дом, а не людей.

Эстер вытащила карточку из кармана. Бумага была мягкой от пота. Три фамилии, печать округа и шестнадцать маленьких квадратиков; половину перечеркнули чёрным маркером.

— С какого дня?

Почтальон пожал плечами:

— С этого.

На соседней улице звякнуло стекло. Все повернули головы. За оградой стояли два полицейских, но ни один не пошёл на звук. Один держал ладонь на затылке, другой смотрел на телефон, прижав экран к груди, чтобы спрятать от солнца.

Эстер переложила канистры. Пальцы болели от ручек, хотя ёмкости были пустыми.

К десяти часам она дошла до угла здания. В тени бетонной стены сидели четверо стариков. Над ними работал вентилятор на аккумуляторе: каждые несколько секунд поворачивал решётку в сторону очереди. Когда поток попадал на лицо Эстер, хотелось шагнуть за ним, не отпускать.

Тогда она увидела Ноя.

Он стоял по другую сторону ограды, с велосипедом. Велосипед был слишком маленьким: Ной вырос за зиму, а его младший брат ещё не дорос до своей очереди. На руле висела сумка, из которой выглядывал прозрачный пакет со льдом.

— Эс!

Она поморщилась и посмотрела в сторону выезда. Отцовского пикапа не было.

— Ты откуда взял лёд?

— В медпункте. Везу бабушке. Они дали один пакет на всю улицу, так что это, считай, мой служебный транспорт.

Он попытался улыбнуться, но увидел канистры и перестал.

— Тебя одну отправили?

— Отец в часовне.

— Ясно.

Это слово ей не понравилось. Ной в последние месяцы произносил его всякий раз, когда речь заходила о Сайласе.

— Всё нормально, — сказала она.

— Я ничего не говорил.

Почтальон сделал шаг вперёд. Эстер передвинулась вместе с ним.

— Мисс Белл вчера спрашивала про тебя, — сказал Ной.

— Зачем?

— У неё есть работа. В старой школе надо разобрать кабинет. До понедельника вывезут всё, что ещё можно использовать. Учебники, приборы. Она попросила узнать, придёшь ли ты.

Эстер вспомнила прохладный линолеум лаборатории, раковины вдоль стены, настенный плакат с клеткой, похожей на разрезанное драже. Там можно было задать вопрос и получить ответ, который не начинался со слова «должна».

— Я не знаю.

— Она будет завтра до обеда.

— Там же отключили электричество.

— На первом этаже окна большие. И генератор иногда включают.

Очередь снова двинулась. Женщина позади Эстер сердито сказала, что некоторые разговаривают, а остальные жарятся. Ной отступил от ограды.

— Я могу зайти за тобой.

— Не надо.

Он опустил глаза на пакет. Нижний угол уже наполнился водой.

— Ладно. Если придёшь, она обрадуется.

Эстер хотела спросить, как его бабушка. Но он развернул велосипед, и вопрос показался способом удержать его возле забора. Она смотрела, как Ной едет по улице, слишком высоко поднимая колени. Хотелось оказаться с ним, взять вторую сторону руля, довезти этот нелепый тающий лёд куда-нибудь, где от него будет польза.

За углом снова звякнуло стекло. На этот раз слышались крики.

Почтальон поднялся на носки.

— Магазин на Пятой, — сказал он. — Дождались.

Эстер не видела, что происходило на Пятой. Она увидела только женщину, выбежавшую на перекрёсток. Та несла упаковку маленьких бутылок и держала её так, как держат

что-то живое. За ней бежал мужчина. Женщина оступилась; упаковка ударилась об асфальт, несколько бутылок откатились в сторону.

Из очереди вышел парень в баскетбольной майке.

— Эй! — крикнул полицейский.

Парень даже не взглянул на него. Он побежал к бутылкам. Потом из очереди вышли ещё двое.

Почтальон опустил табурет на землю и наступил на него ногой, освобождая руки.

— Держись ближе к стене, — сказал он Эстер.

За оградой резко завывла сирена. Толпа возле цистерны подалась вперёд. Эстер услышала плеск — первый настоящий плеск за всё утро — и не сразу поняла, что кто-то опрокинул уже наполненную канистру.

Вода потекла по бетону под ногами.

Люди кричали. Мужчина возле шланга стоял на коленях и прижимал ладони к растекающейся луже. Он пытался загнать её обратно в горловину. Женщина рядом с ним ругалась, затем тоже опустилась на колени. Эстер смотрела на их руки и не могла отвести глаз.

Солнце отражалось в луже. Бетон темнел, принимая воду быстрее, чем они успевали собирать её.

Почтальон взял Эстер за локоть. Она отдёрнула руку, прежде чем сообразила, зачем он это сделал.

— Стена, — повторил он.

Двое протиснулись между ними и сеткой. Один задел пустую канистру, и Эстер прижала её к груди. Сирена смолкла. Полицейский что-то говорил через громкоговоритель; слова падали в треске.

Потом раздался выстрел.

Он был коротким и совсем не похожим на те, что Эстер слышала в фильмах. Очередь присела. Кто-то ударил её в спину, и она ткнулась лбом в бетонную стену.

— В воздух, — сказал почтальон. — Это в воздух.

Он повторил ещё раз, будто проверял.

Эстер стояла, чувствуя, как на лбу раздувается шишка. В ограде, прямо перед её глазами, застрял кусок голубой нити. Нить шевелилась от горячего ветра. Она смотрела на неё, пока вокруг люди снова не начали подниматься.

В тот день им всё-таки выдали воду.

Одну канистру наполнили примерно на две трети; вторая осталась пустой. Служащая поставила на карточке новый штамп и сказала: «Следующий». На её щеке был длинный потёк туши. Эстер хотела поблагодарить её, но служащая уже забрала чужую карточку.

До скамейки у выезда Эстер дошла, волоча полную канистру обеими руками. Земля под ней оставалась светлой: крышка не пропускала ни капли. Это почему-то успокоило.

Сайлас приехал через полчаса.

— Что у тебя со лбом?

— Толкнули.

Он посмотрел в сторону цистерны. Ворота закрывали, последние люди спорили с охраной. Полицейская машина стояла поперёк въезда.

— Вот до чего дошли, — сказал он.

Сайлас поднял канистру, проверяя вес. Эстер заметила, что рука у него дрогнула.

— Больше не давали.

— Я вижу.

Он открыл пассажирскую дверь. Прежде чем сесть, Эстер ещё раз посмотрела на карточку. Новый штамп был красным, с неровным краем. Под ним нельзя было прочитать её имя.

На обратном пути отец молчал. Возле пруда они встретили школьный автобус, набитый взрослыми. У открытого окна сидел мужчина с бинтом на шее. Он поднял руку, но Сайлас не остановился.

— Может, ему нужно...

— У нас нет.

Эстер посмотрела на полную канистру в кузове.

Отец увидел её взгляд в зеркале.

— Это для твоей матери. Для тебя. Ты хотела бы, чтобы я раздал всё?

Она знала ответ, который он ждал. И другой, которого не могла произнести, потому что тоже хотела пить.

— Нет.

Он кивнул.

У дома Руфь вышла им навстречу. В руках у неё было пустое ведро. Она не стала спрашивать о количестве воды; по тому, как Сайлас нёс канистру, было件нятно, что второй рейс ей не понадобится.

— Что с колодцем? — спросил он.

— Как утром.

Он пошёл к колодцу сам.

Эстер задержалась у крыльца. Под ступеньками было пусто. Крышка от банки стояла на прежнем месте, но теперь в ней темнело немного воды.

— Ушла? — тихо спросила она.

Мать поправила ручку ведра.

— Я не видела.

— Ты ей дала?

Руфь смотрела мимо неё.

— Занеси пустую канистру. Нечего оставлять на солнце.

Эстер обошла дом. Проверила пространство за бочкой, где раньше собирали дождевую воду, и низкое место под сараем. Собака нигде не лежала. На рыхлой земле остались следы, но возле дороги их затоптали колёса пикапа.

Она вернулась, когда отец доставал ведро из колодца.

Оно стукнулось о каменный край. На дне перекачивалась мутная жидкость, не закрывая выпуклого сварного шва. Сайлас наклонил ведро, и жидкость собралась с одной стороны.

— Ещё есть, — сказал он.

Руфь стояла рядом и кивала.

Колодец был старше дома. Дед Сайласа обложил его плоским известняком и вырезал год на одном из камней. В детстве Эстер любила опускать туда голову и говорить что-нибудь громко. Колодец возвращал ей слова. Теперь пахло глиной и нагретым железом, а голос почти не отзывался.

Отец вылил добытую воду в отдельный таз.

— На стирку.

Он посмотрел на Эстер:

— Чего ждёшь? Матери помогай.

После полудня дом закрыли. Ткань на окнах не пропускала прямой свет, но жара проникала без света. Руфь мыла чашки водой после замачивания фасоли, потом отдала её Эстер для пола. Они передавали друг другу таз, стараясь не расплескать. От воды пахло кислым.

На кухонной полке стояло радио. Сайлас слушал его недолго: батарейки были на исходе. Когда передали сводку, он увеличил громкость.

«...пункты охлаждения продолжают работу до двадцати часов. Просим не занимать линии экстренной помощи запросами о доставке. В округе...»

Шум съел название.

«...комиссия пока не располагает данными, позволяющими связать наблюдавшееся свечение с перебоями связи. Повторяем: не следует...»

— Свечение? — спросила Эстер.

Отец повернул регулятор. На другой частоте мужчина читал молитву за дождь.

— Там ничего толком не знают, — сказал Сайлас.

Он оставил молитву.

Эстер продолжала вытирать пол. Слово «свечение» удерживалось в голове: не тревожило, скорее обещало, что в мире ещё происходят вещи, не сводящиеся к уменьшению запасов.

В четыре часа Сайлас позвал её в гостиную.

На столе лежала раскрытая Библия. Он поставил её так, чтобы Эстер не могла сесть напротив, и указал на место рядом.

— Прочти.

Она посмотрела на страницу. Подчёркнутые строки были знакомы: отец возвращался к ним с начала лета. О народе, забывшем завет, о небе, которое закрывается, о земле, которая не даёт плодов.

Эстер начала читать. Голос был хриплым, слова цеплялись за сухое горло.

— Громче.

Она прочитала громче. Сайлас слушал, держа ладони на коленях.

— Что это значит?

— Что люди нарушили...

— Я спрашиваю не о людях в книге.

За стеной Руфь двигала стул. Потом стул затих.

Эстер смотрела на знакомые буквы. В старой школе на стене висел график температуры, красная линия на белой бумаге. Мисс Белл объясняла его так, что Эстер могла повторить объяснение: что меняется, где измеряли, почему один жаркий день ничего не доказывает. Здесь ей требовалось назвать причину, которую нельзя было проверить, и признать собственную долю вины.

— Ты спрашиваешь про засуху? — сказала она.

— А ты умеешь видеть разницу между словами и тем, о чём они говорят?

Он не повысил голоса. Это было хуже: когда он кричал, можно было думать, что скоро устанет.

— Умею.

— Тогда ответь.

Эстер облизнула губы.

— Мы должны покаяться.

— В чём?

На этот вопрос тоже существовали правильные ответы. Гордыня. Непослушание. Маловерие. Она могла выбрать любой, но почему-то представила женщину с ребёнком у цистерны. Папку над маленькой головой. У женщины дрожала рука, когда она перекладывала папку с одной стороны на другую.

— Не знаю, — сказала Эстер.

Отец ждал.

— Я не знаю, в чём виноват ребёнок.

Из кухни донёсся тихий стук. Руфь уронила ложку.

Сайлас повернулся к дочери всем корпусом.

— Ты думаешь, я не видел сегодня детей?

Эстер сжала край сиденья.

— Я этого не говорила.

— Думаешь, мне легко? Думаешь, я не понимаю, что с нами происходит?

Он снял очки для чтения. На переносице остались две красные вмятины.

— Я держу этот дом. Я каждый день ищу, чем вас напоить. И каждый день прошу только об одном: чтобы здесь был мир.

Она почувствовала знакомое смятение. Он действительно искал воду. Носил канистры, стоял под солнцем, отдавал вещи. Эстер не могла вычеркнуть это из него, оставить одного жестокого человека и ненавидеть без помех.

— Я знаю, — сказала она.

— Тогда не повторяй чужие слова в моём доме.

— Это мои слова.

Она поняла, что ошиблась, ещё до того, как он встал.

Сайлас положил ладонь ей на затылок и наклонил голову к странице. Не ударил. Просто держал, заставляя согнуться, пока подбородок не упёрся в грудь.

— Начни сначала.

Буквы расплылись. Её лоб пульсировал там, где ударился о стену.

— Папа, мне больно.

Он отпустил не сразу.

— Начни сначала, Эстер.

Она начала.

Позже, когда отец вышел во двор, Руфь принесла ей смоченную тряпку. Эстер сидела на ступеньке у лестницы. Мать присела рядом и приложила ткань ко лбу.

— Не надо было спорить.

— Я спросила.

— Ты знаешь, какой он сейчас.

Тряпка быстро нагрелась. Эстер подняла руку, но мать удержала её запястье.

— Подержи ещё.

Руфь выглядела усталой до прозрачности. На её шее под кожей бился сосуд. Эстер смотрела на это движение и хотела спросить, боится ли мать так же, как она. Но в ответ могло прозвучать всё то же: не спорь, подожди, ему тяжело.

— Я хочу завтра в школу, — сказала Эстер.

Мать посмотрела в сторону задней двери.

— Школа закрыта.

— Мисс Белл разбирает кабинет. Ей нужна помощь.

— Тогда пусть попросит твоего отца.

Эстер отвернулась.

Руфь сняла тряпку. Поддержала её в ладонях, словно не знала, куда деть.

— Он раньше не был таким, — сказала она.

Эстер слышала в её голосе просьбу. Мать хотела, чтобы дочь подтвердила это, вспомнила вместе с ней другую жизнь. Рыбалку. Подаренные часы. Тёплые руки.

— Я помню, — ответила Эстер.

Мать кивнула слишком быстро и ушла.

Вечером Эстер снова искала собаку.

Отец сидел на крыльце и чинил ручку канистры; ему понадобились плоскогубцы, и он отправил дочь в сарай. Она взяла инструмент, затем вышла через боковую дверь и обошла сарай с востока. Там солнце уже ушло, земля оставалась тёплой, но можно было дышать.

Собака лежала за старой сеялкой.

Эстер остановилась. Ремешок у горла был неподвижен.

Она присела и коснулась пальцем ребра. Ничего не произошло. Вокруг мутного глаза собирались мелкие мухи. Эстер прогнала их и ещё раз положила ладонь на бок, теперь всей поверхностью, будто первый раз прикоснулась неправильно.

— Я дала тебе воду, — сказала она.

Слова прозвучали как обвинение, и Эстер испугалась собственного голоса.

Из-за сарая отец спросил, нашла ли она плоскогубцы.

— Нашла.

Она не встала.

Мухи возвращались. Эстер смахивала их рукавом, и от этого казалось, что она ещё может что-нибудь сделать. Потом заметила под лапой чужой след: мать тоже приходила сюда, в своих туфлях с полосками на подошве. Или просто проходила мимо. По следу нельзя было узнать.

Эстер поднялась, нашла у стены старый мешок из-под семян и накрыла собаку. Мешок не закрывал задние лапы. Она потянула его ниже, и голова открылась. Пришлось принести второй.

— Эстер!

Она пошла к крыльцу.

— Долго же ты.

Отец взял инструмент. На нижней губе у него была трещина, и он осторожно сжал губы, чтобы не разошлась.

— Та собака умерла, — сказала Эстер.

— Я говорил, чтобы ты её не трогала.

— Ей нужно было пить.

Плоскогубцы замерли в его руке.

— Ты брала воду?

Мать стояла за сетчатой дверью. Эстер видела белый прямоугольник её фартука.

— Немного.

— Сколько?

Она могла соврать. Отец не был всеведущим, хотя ей часто казалось иначе. Он не знал про тетрадь, про Ноя у ограды, про то, как она иногда представляла себе дорогу за пределами округа и дом, в котором двери можно закрывать изнутри.

— Сорок миллилитров.

Он положил плоскогубцы на доску.

— Значит, ты знала, что делаешь. Отмерила.

Эстер ждала, что мать выйдет. Дверь оставалась закрытой.

— Мне было её жалко.

— Мне тоже много кого жалко. Но я отвечаю за вас. За твою мать. За тебя. Ты взяла у неё воду. Понимаешь?

Он указал на дверь, и мать отступила из света.

Эстер хотела сказать про кружку. Про воду в крышке. Но тогда отец спросил бы Руфь, и всё продолжилось бы уже с ней.

— Понимаю.

— Сегодня без ужина. И останешься в комнате, пока не обдумаешь.

Она кивнула, чувствуя облегчение, за которое сразу стало стыдно. Часть её уже умела радоваться тому, что наказание оказалось меньше ожидаемого.

Наверху Эстер открыла атлас и достала тетрадь.

Рядом с числом сорок написала: «Не помогло».

Посидела, посмотрела на запись и добавила: «Это не значит, что не надо было».

Она закрыла тетрадь, прежде чем успела вычеркнуть вторую фразу.

Темнело медленно. Воздух в комнате не остывал. Эстер легла поперёк кровати, свесив ноги, и слушала дом: шаги матери, глухое покашливание отца, сухой шелест Библии. Снизу пахло разогретой фасолью. Голод пока был терпимым; жажда занимала больше места.

На улице затихли насекомые.

Эстер заметила это не сразу. Она лежала и пыталась проглотить слюну, которой почти не было, когда поняла, что слышит ход часов в коридоре. Раньше за вечерним стрекотом часов было не разобрать.

Она села.

В окно падал бледный свет. Закат давно сместился за противоположную сторону дома, но белая рама медленно розовела.

Эстер подошла ближе. Над полем, где отец оставил засохшую кукурузу, небо стало красным. Не всё: узкая вертикальная полоса поднималась из-за холма и уходила вверх, за край окна. Эстер пригнулась, чтобы увидеть её конец.

Конца не было.

Она открыла створку. Из двора донёсся скрип калитки. Отец стоял возле колодца, запрокинув голову. Руфь вышла следом, всё ещё держа в руках тарелку.

Красная полоса расширилась. Над полем проявились стебли, каждая высохшая метёлка; сарай отбрасывал две тени, и одна из них медленно поворачивалась.

Свет пульсировал. Эстер почувствовала толчок в груди, будто рядом включили большой двигатель, но двигателя не было слышно. Доски под её ногами слабо задрожали.

Снизу мать позвала Сайласа.

Он поднял руку, требуя тишины.

Вдалеке загудел автомобиль. Второй. Потом звук оборвался.

Эстер отступила от окна. На столе лежал атлас. Она хорошо видела голубые линии рек, хотя в комнате не горела лампа. Красный свет делал воду на бумаге почти чёрной.

И тогда кто-то заговорил.

Голос был тихим. Эстер услышала его так отчётливо, словно незнакомый мужчина стоял за её плечом, и резко обернулась. У двери никого не было. Радио оставалось внизу, выключенное.

— Придите ко Мне, — сказал голос.

Во дворе тарелка упала на землю.

Эстер снова посмотрела в окно. Мать стояла неподвижно. Отец уже опустился на колени у колодца. Свет двигался по его белой рубашке, сгущаясь между лопатками.

— Все жаждущие.

Эстер узнала обещание раньше, чем успела его обдумать. На миг перед ней возник стакан с рекламного щита, ещё не покрашенный: холодный, полный, с каплями на стекле. Ей захотелось протянуть руку.

Она схватилась за оконную раму.

Голос замолчал. Но желание осталось, гораздо сильнее голода и страха перед отцом. Где-то за холмом было то, чего им не хватало. Эстер ощутила это с такой уверенностью, что перестала доверять собственному ощущению.

Во дворе Сайлас плакал.

Она никогда раньше не слышала, как он плачет. Смотрела на согнутую спину и ждала, что мать подойдёт, поможет ему подняться. Руфь стояла возле разбитой тарелки и не двигалась.

Красный свет снова толкнулся в окно. Эстер прижала ладонь к груди, отсчитывая удары сердца.

Один. Второй. Третий.

На четвёртом столп потемнел.

На пятом вспыхнул опять.

Она начала считать сначала.

Багровый Столп

Глава 2

Голос над полем

На этот раз Эстер досчитала до семи.

Свет погас на мгновение, снова налился цветом, и она попробовала подстроить дыхание под его толчки. Не вышло. Сердце билось чаще, когда она смотрела вверх, и замедлялось, стоило отвести глаза. Она поняла, что меряет одно неизвестное другим, и убрала руку с груди.

— Эстер!

Отец звал из двора. Она отступила от окна, машинально оглянувшись на дверь: ещё несколько минут назад ей было запрещено выходить из комнаты.

— Иди сюда. Быстрее.

Она захлопнула атлас. В темноте под кроватью нашла ботинки, обулась без носков и спустилась. На лестнице свет попадал через маленькое боковое окно. Ступени чередовались: красная, тёмная, красная. Эстер держалась за перила, хотя хорошо знала, где скрипнет доска.

Руфь стояла на кухне, придерживая дверь плечом.

— Ты тоже слышала? — спросила она.

Эстер кивнула.

Мать сжала её локоть. Ладонь была горячей и влажной.

— Что именно?

— Придите ко Мне. Все жаждущие.

Руфь закрыла глаза. Эстер ждала вопроса, но мать только крепче стиснула её руку и вывела во двор.

Сайлас уже поднялся. Земля пристала к коленям серых брюк, на лице блестели дорожки слёз. Без очков и без привычного напряжения между бровями он выглядел моложе. Эстер невольно замедлила шаг. Таким она его почти не помнила.

— Посмотри, — сказал он.

Теперь свет было видно целиком до того места, где он скрывался за холмом. Он поднимался далеко за их полем: в окне Эстер столп казался ближе. В его середине проходили более тёмные полосы, медленно смещаясь снизу вверх. У основания небо расплывалось, как над дорогой в жару.

Эстер посмотрела в сторону лесополосы. На листьях стояли красные блики. Сами листья не двигались.

— Там пожар? — спросила Руфь.

Сайлас покачал головой.

— Ты слышала Его.

— Я слышала голос.

Мать сказала это почти шёпотом, но Эстер почувствовала благодарность: хотя бы кто-то назвал случившееся так, как оно было.

Отец подошёл к колодцу, поднял ведро за ручку и заглянул внутрь. Ведро было пустым. Он опустил его обратно, не скрывая разочарования, и Эстер стало страшно от того, как быстро он успел чего-то ожидать.

На дороге загорелись фары.

Старый фургон остановился у калитки. Из водительской двери вылез их сосед Аарон Пайк, в майке и рабочих брюках, с телефоном в руке. Эстер редко видела его без кепки; светлая полоска лба резко выделялась над загорелым лицом. Он оставил двигатель работающим.

— Вы слышали? — спросил он с дороги.

— Слышали, — ответил Сайлас.

— У нас в доме тоже. У Мэй в ванной. Она решила, я телевизор включил.

Пайк вошёл во двор и остановился рядом с ними. На экране его телефона была белая страница с маленьким вращающимся кругом.

— Ни одна зараза не грузится. Люди на шоссе остановились, стоят прямо между полосами. Я едва проехал.

— Не надо ругаться, Аарон, — сказал отец.

Обычно Пайк начинал спорить. Сейчас он только махнул рукой.

— Да. Ладно. Что это такое?

Сайлас посмотрел на него так, будто вопрос был недоразумением.

— Давай слушаем.

Они ждали.

Через ограду протянулась длинная тень фургона. Эстер слышала неравномерную работу двигателя, тихое позвякивание цепи на колодезном воротах, дыхание матери. Отец поднял подбородок. Он выглядел уверенным, но голос не возвращался, и вскоре Эстер заметила, как Сайлас сцепил руки за спиной.

Пайк посмотрел на часы в телефоне.

— Может, это военные. Что-нибудь распылили, а теперь проецируют. У меня брат видел такие штуки на концертах.

— Над полем? — спросила Руфь.

— Я не говорю, что концерт. Я говорю, свет можно...

— Не бойтесь, — произнёс голос.

Пайк умолк на полуслове.

Эстер повернулась к нему. Она была уверена, что голос прозвучал между ними, немного левее, там, где росла засохшая сирень. Но Пайк смотрел на крышу дома. Руфь прижала ладонь к горлу.

— Я слышу вашу жажду.

Голос не перекрывал двигатель. Сквозь слова Эстер по-прежнему различала его неровное постукивание. Ей казалось, что незнакомый мужчина говорит рядом, на расстоянии вытянутой руки. В этой близости было что-то неловкое. Она хотела отодвинуться, дать говорящему место.

— Видел вашу скорбь. Вы не оставлены.

Мать начала плакать. Без всхлипов, с открытыми глазами. Эстер видела, как слеза собралась у края века, стала тяжёлой и скользнула по щеке. Руфь даже не стёрла её.

— Кому Он говорит? — спросил Пайк.

Отец сделал ему знак молчать.

— Я пастырь добрый. Я пришёл собрать вас.

Последнее слово прозвучало отчётливо. Эстер представила очередь у цистерны: почтальона, стариков под вентилятором, женщину с папкой. Там тоже собирали людей, по одному проверяли карточки, ставили штамп.

Она оглянулась на калитку.

Фургон работал, дорога была открыта. Ещё ничего не случилось, что требовало бы бежать.

— Где Я, там не будет ни зноя, ни жажды. Не будет плача. Войдите в свет, и Я дам вам покой.

Слова закончились без щелчка, без шума выключенного микрофона. Некоторое время все четверо стояли так, будто речь продолжалась.

Пайк первым опустил голову.

— Мэй надо забрать.

— Подожди, — сказал Сайлас.

— Она одна там. Ей страшно.

— Возьми её и приезжай. Здесь будем ждать вместе.

Пайк быстро кивнул. Только теперь Эстер заметила, что он приехал в домашних тапочках; пятка одной завернулась под стопу. Он пошёл к фургону, не поправляя её.

— Аарон, — окликнул отец. — Кого встретишь, скажи, что здесь собираемся.

Пайк поднял руку, показывая, что услышал.

Когда фургон уехал, во дворе стало необыкновенно тихо. Сайлас повернулся к жене.

— Принеси стол из сарая. И стулья, какие есть.

Руфь вытерла лицо ладонями.

— Они приедут ночью?

— Ты хочешь оставить их на дороге?

Она покачала головой и пошла к сараю.

Эстер осталась возле колодца.

— Откуда он говорит? — спросила она.

Сайлас посмотрел на столп.

— Ты сама видишь.

— Я слышала возле сирени. А наверху — у себя за спиной.

Отец не ответил.

— Может, это передают откуда-нибудь, — сказала Эстер. — Нам надо узнать.

Он взял её за плечи и развернул к свету. Она напряглась, ожидая боли, но руки были осторожными.

— Дочь, ты видишь это?

Эстер кивнула.

— Видишь, какого оно размера?

— Да.

— И ты думаешь, что нам послали такое, чтобы мы искали провода?

Она опустила глаза. На отцовской рубашке возле второй пуговицы темнела капля пота.

Эстер смотрела на неё, пытаясь отделить сказанное от того, что он хотел услышать.

— Я не знаю, кто послал.

Сайлас убрал руки.

— Помоги матери.

Стол оказался тяжёлым и разохшимся. Руфь взялась за один край, Эстер — за другой. При переноске ножка цеплялась за землю. Они поставили стол перед крыльцом; мать принесла скатерть, которой не пользовались с Пасхи. Ткань пахла шкафом.

— Мама, ты думаешь, это Бог?

Руфь расправляла складки.

— Я думаю, что кто-то нас услышал.

— Он сказал войти.

— Сказал.

— А что там?

Мать провела ладонью по скатерти. На безымянном пальце кольцо свободно повернулось: за лето её руки исхудали.

— Может быть, вода.

Эстер хотела задать ещё один вопрос, но Руфь подняла лицо. Выражение у неё было такое, что дочь промолчала.

Через двадцать минут возле дома остановились две машины.

Пайк вернулся с женой и их взрослым сыном. Мэй поддерживала локтем маленькую сумку, другой рукой держала телефон. Она показала Сайласу экран.

— У моей сестры тоже. В Талсе. Она прислала, пока ещё проходило.

На маленьком видео столп стоял за крышами торгового центра. У камеры дрожали руки. Кто-то в кадре всё время повторял: «Посмотрите на это». Голоса Пастыря Эстер не слышала; запись была короткой и оборвалась, когда человек повернул телефон.

Сайлас взял аппарат обеими руками.

— Не только здесь, — сказал он.

Сын Пайков, Кaleb, наклонился посмотреть. Он работал в мастерской и приходил домой с чёрными ногтями; сейчас ногти были чистыми, но масло въелось в складки кожи.

— А расстояние до него известно? — спросил он.

— Сестра не знает, — ответила Мэй. — У них все вышли на парковку.

Кaleb посмотрел в сторону холма.

— Я думал, возле карьера. Но по дороге он никуда не смещался.

Эстер обрадовалась этому замечанию. Оно было небольшим и не решало ничего, но относилось к свету, который они действительно видели.

— Можно посмотреть с двух мест, — сказала она. — Тогда...

— Сначала послушаем, — перебил Сайлас.

Из второй машины вышла миссис Хейл с двумя внуками. Младший, лет пяти, спал у неё на плече. Старшая девочка несла пустую бутылку, смятую посередине. Эстер видела их сегодня у цистерны, далеко позади себя.

— Мы слышали на шоссе, — сказала миссис Хейл. — Я остановилась, чтобы позвонить дочери. Связи нет. А мистер Пайк сказал, вы здесь...

Она не закончила фразу. Сайлас поставил стул в тень крыльца, помог ей сесть и подложил под голову мальчика свёрнутую куртку.

Мальчик проснулся и попросил пить.

Руфь посмотрела на мужа.

Эстер следила за ними, стоя у стола. Их сегодняшняя канистра находилась на кухне. Там же висела ведомость, оставалось три чистые кружки и стакан с маленькой трещиной под ободком.

— Принеси, — сказал Сайлас.

Руфь пошла в дом.

Эстер не могла понять, как услышанные слова успели переменить правила. Ещё несколько часов назад сорок миллилитров были кражей у матери. Теперь отец сам держал стакан, пока незнакомый ребёнок пил.

На мальчике была майка с выцветшей пожарной машиной. Он положил обе ладони на стакан. Сайлас не торопил его и даже улыбнулся, когда вода потекла по подбородку.

Эстер хотелось, чтобы он и дальше оставался таким.

Следом попросила девочка. Руфь налила ей немного, потом дала кружку миссис Хейл. Мэй сказала, что они пили перед дорогой. Аарон собирался отказаться, но жена сунула ему локоть под рёбра, и он взял свою порцию.

— Тебе тоже, — сказала мать Эстер.

— Я наказана.

Она сказала это тихо, но Сайлас услышал.

— Пей.

Мать передала кружку. Вода была тёплой, со слабым запахом пластика. Эстер выпила маленький глоток, затем ещё один. Глотать оказалось больно; сухое горло не сразу поверило, что можно перестать сжиматься.

Отец стоял возле стола и смотрел на собравшихся. Его канистра опустела быстрее, чем очередь у цистерны успевала сдвинуться на несколько шагов. Он видел это. Эстер ждала, когда улыбка исчезнет.

Но Сайлас взял канистру сам и наполнил последнюю кружку.

— Ему довольно того, что мы доверились, — сказал он.

Мэй коснулась его запястья.

— Спасибо.

Эстер отвела глаза от канистры. Ей стало неловко от собственной подозрительности. Может быть, чудо начиналось именно с этого: взрослый человек переставал считать, кому сколько положено.

Мальчик на коленях у бабушки поднял голову.

— Дождь будет?

Во дворе никто не ответил сразу.

— Будет лучше, — сказал Сайлас.

Эстер посмотрела на ясное небо. Ни облака.

Мэй села рядом с Руфью и стала рассказывать о сестре. У неё на экране было ещё одно сообщение, без видео: «Мы все слышали одно и то же». Дальше шли три вопросительных знака. Ответ Мэй не отправился.

Кaleb поднял телефон над головой, прошёл вдоль ограды, потом вернулся.

— В городе собираются у часовни, — сказал он. — Там хоть интернет на пару минут был. Мерсер просит людей не ходить на поля до утра.

— Мерсер видел это? — спросил отец.

— Наверное.

— Или сидит в помещении и читает сообщения?

Кaleb пожал плечами.

Сайлас посмотрел на дорогу. По ней медленно проехала машина с открытыми окнами. Люди внутри смотрели вверх, и водитель едва успел объехать камень у обочины.

— Я позвоню ему, — сказал отец.

В доме у них сохранился старый проводной аппарат. Линия часто замолкала после дневных отключений, но к ночи обычно возвращалась. Эстер вошла вслед за Сайласом и услышала гудок.

Он набрал номер по памяти.

— Скай, это Сайлас. Да. Да, мы тоже... У меня Пайки, Хейл с детьми. Люди едут по дороге.

Отец прижал трубку к уху. Эстер стояла у дверного косяка. Когда он отвечал, было понятно, что говорит Мерсер.

— Я не зову их туда. Я говорю, здесь можно собраться... Нет, не надо пугать словами «не приближаться». Они только что услышали, что не оставлены.

Он замолчал надолго.

— Кто прислал? Шериф? А у шерифа есть объяснение?

Эстер услышала из трубки неразборчивую речь, потом отдельное слово: «дети».

— У меня тоже ребёнок, — сказал Сайлас.

Он взглянул на дочь. Она отступила от косяка.

— Я не подвергаю никого опасности. Мы ждём во дворе. Именно так... Хорошо. Приезжай, если сможешь.

Он повесил трубку осторожно, попав в гнездо со второго раза.

— Пастор сказал, не идти? — спросила Эстер.

— Пастор сказал ждать.

— До утра?

Сайлас прошёл мимо неё, не отвечая.

Эстер осталась в коридоре. Телефон не мог показать сообщения или снять свет над полем, зато по нему только что разговаривали двое людей, которые знали друг друга много лет. Ей захотелось позвонить мисс Белл. Узнать, слышала ли она; спросить, что делать.

Номера Эстер не помнила. В школе он был напечатан на листке для родителей, но листок остался в папке, которую отец выбросил после последнего спора об уроках.

Она поднялась к себе.

Под кроватью лежал старый телефон, без сим-карты. На день рождения Ной отдал ей аппарат своей матери: экран был треснут, но им можно было снимать и слушать музыку. Сайлас не запрещал его прямо. Он считал телефон сломанным, и Эстер никогда не уточняла.

Она нажала кнопку. В верхнем углу появилось восемь процентов.

В последние дни Эстер берегла заряд для фотографии страницы из учебника, которую Белл обещала дать, если найдёт второй том. Теперь включила запись звука.

У окна тянуло разогретой землёй. Столп продолжал пульсировать. Она положила телефон на подоконник микрофоном наружу и посмотрела на таймер. Секунды менялись ровно, не обращая внимания на свет.

Эстер постучала ногтем по раме.

— Это я, — сказала она. — В комнате. Запись.

Она почувствовала себя глупо. Внизу люди говорили тихими благоговейными голосами, а она объясняла предмету, где находится. Но если речь повторится, ей хотелось потом отличить её от собственных мыслей.

Дверь на лестнице хлопнула. Кто-то принёс ещё стулья.

Эстер ждала.

Спустя несколько минут голос прозвучал снова.

— Не бойтесь пути.

Она вздрогнула и взглянула на экран. Таймер продолжал идти. График звука, прежде почти плоский, поднялся короткими зубцами.

— Не берите с собой того, что тяготит вас. Оставьте заботы этого мира. В Моём доме довольно места.

Эстер закрыла глаза и попыталась определить направление. Справа. Нет, позади. Она развернулась; ощущение места не стало яснее.

Она зажала уши ладонями.

Голос сделался тише. Вместе с ним исчезли разговоры во дворе, и сильнее застучало сердце. Эстер отняла одну ладонь. Слова вернулись полностью.

— Слабого поддержите. Уставшего приведите. Пусть никто не останется за порогом.

Она посмотрела на дверь. Ей стало стыдно, что она стоит отдельно, наверху. Внизу были ребёнок, которому нужен сон, усталая мать, старушка, не дозвонившаяся дочери. Им пришлось выйти из домов в темноте, а Эстер пряталась возле своего телефона.

Она потянулась остановить запись, но не нажала.

Чувство пришло одновременно со словами, как жажда при первом обращении. Оно могло быть её собственным. Никто не мешал ей думать о людях и без чужого голоса. Но раньше она не ощущала вину за то, что хочет несколько минут побыть одна.

— Я проведу вас туда, где не будет смерти.

Голос замолчал.

Эстер остановила запись. Экран мигнул предупреждением о батарее.

Она подвинула ползунок к началу и нажала воспроизведение. Послышался её стук по дереву. Потом голос Эстер, тонкий и неуверенный: «Это я. В комнате. Запись».

Она промотала дальше.

Незнакомый мужчина заговорил из маленького динамика.

Эстер взяла телефон обеими руками. Он был здесь: теперь его можно было остановить, повторить, сделать тише. Это доставило облегчение, которого она не ожидала. Она прослушала начало второй раз. Слова остались теми же.

Потом звук захрипел. Телефон выключился.

Эстер смотрела на потемневший экран. Ей хотелось запомнить, что запись существует, даже если аппарат больше не включится. Она достала тетрадь.

Написала время по часам в коридоре. Затем: «На телефоне слышно. Когда закрываю уши, тише. Не знаю, откуда».

Подумала и добавила: «Называет себя пастырем».

Внизу запели.

Сначала один голос, женский. Потом к нему присоединилась Мэй. Эстер знала гимн: они пели его в часовне, когда ещё работали кондиционеры, и мальчик в переднем ряду всё время стучал ботинком по ножке скамьи. Здесь слова растягивались, потому что никто не играл на фортепиано.

Она выглянула.

Отец стоял рядом с Пайком. Оба смотрели на свет. Мэй и Руфь сидели у стола, держась за руки; Эстер никогда не видела, чтобы мать держала за руку другую женщину. Это выглядело просто и хорошо. От этого хотелось спуститься ещё сильнее.

Она спрятала тетрадь и пошла вниз.

Возле дороги появился белый автомобиль с вмятиной на крыле. Скай Мерсер вышел, положив на сиденье небольшую Библию. Пастор был худым, с рыжей бородой, которую недавно почти целиком сбрил из-за жары. Под подбородком осталась полоска светлой кожи. Когда-то он приносил Эстер книги из районной библиотеки. Она помнила, что одну из них отец не разрешил читать, а Мерсер забрал обратно, не сказав ни слова.

Он поздоровался со всеми по имени, спросил, не нужно ли кому-нибудь в медпункт, затем присел перед миссис Хейл.

— Куда ваша дочь собиралась ехать?

— В Сент-Джозеф. После работы. Я не знаю, доехала ли.

— Мы оставим сообщение в часовне. Когда связь восстановится, она будет знать, где вас искать.

Он записал номер на бумажке, не обещая, что всё непременно будет хорошо. Эстер понравилось, что он не обещал.

Потом Мерсер посмотрел на её лоб.

— Ударилась?

— В очереди.

— Голова не кружится?

— Уже нет.

— Если начнёт, скажи.

Сайлас отодвинул свободный стул.

— Послушал бы ты это здесь, Скай.

— Я слышал возле часовни.

— Ну?

Пастор не сел. Он повернулся к столпу. Багровый свет проходил по его лицу, оставляя глаза в тени.

— Я не знаю, что мы видим, — сказал он.

Пайк кивнул слишком энергично, будто давно ждал разрешения на эту фразу.

Сайлас провёл рукой по волосам.

— Он говорит словами Писания.

— Я слышал.

— И ты не узнаёшь?

Мерсер помолчал.

— Узнаю слова.

Мэй отпустила руку Руфи. Во дворе стихли разговоры.

Эстер посмотрела на отца. Подвижное, мягкое выражение постепенно уходило из его лица.

— А чего ещё тебе нужно? — спросил он.

— Чтобы люди не бросались ночью туда, о чём мы ничего не знаем. Там поля, карьер, старая дорога. Сколько машин сейчас на обочине? Если кто-нибудь упадёт или потеряется...

— Я никого не отправлял.

— Я знаю. Спасибо, что позвал их сюда.

Мерсер сказал это без нажима, и Сайлас немного успокоился. Он даже кивнул.

— Но утром, — добавил пастор, — тоже не стоит идти бездумно. Шериф пытается связаться с округом. Мы должны хотя бы узнать, есть ли там опасность.

— Он сказал, где нет смерти, — произнесла Мэй.

Мерсер посмотрел на неё.

— Да.

— Разве такое можно говорить просто так?

На этот вопрос он не ответил.

Калёб сидел на нижней ступени крыльца. Он всё это время крутил телефон, ловя сеть. Теперь поднял голову.

— Там машины едут.

За холмом двигались крошечные огни. Эстер не сразу их заметила: красное сияние делало фары тусклыми. Огни шли друг за другом по дороге к старому карьёру, останавливались, снова начинали двигаться.

Мэй встала.

— Может, там уже кто-нибудь...

— Мэй, — сказал Пайк.

Она села, но продолжала смотреть.

Эстер подумала о женщине, которая уронила упаковку бутылок. Если та видит столп сейчас, что удержит её на месте? И что удержало бы саму Эстер, если бы отец не стоял рядом, если бы она не помнила собаку под двумя мешками?

Она не хотела туда идти.

И хотела.

Оба желания существовали одновременно, и выбрать одно как настоящее у неё не получалось.

Возле стола задрожал телефон Мэй. Все обернулись на звук. Сообщения приходили одно за другим; женщина держала аппарат так, чтобы Мерсер тоже видел.

— Сестра, — сказала она. — «У нас в новостях». Вот. «В Мексике тоже». И ещё фотография...

Фотография долго не открывалась. Эстер увидела несколько строк на чужом языке, маленькое красное пятно под ними. Затем картинка стала чётче: высокий столп за городскими зданиями, люди на балконах.

— Везде, — прошептала Руфь.

Мерсер отошёл к своей машине за приёмником. Пока он открывал багажник, Сайлас взял телефон Мэй. На экране шло сообщение из группового чата. Он читал его молча, шевеля губами.

— Небесный Пастырь, — произнёс отец.

Мэй заглянула через его плечо.

— Так они Его называют.

— Да, — сказал Сайлас. — Так и есть.

Эстер слышала, как эти два слова переходили от одного человека к другому. Миссис Хейл повторила их, успокаивая проснувшегося внука. Руфь сказала Пайку, что Небесный Пастырь обещал привести уставших. Каждая фраза делала имя привычнее.

Когда Мерсер вернулся, говорить о неизвестном голосе уже стало трудно. У него появилось имя, а у людей — способ обращаться к нему.

Пастор поставил приёмник на стол. Аппарат работал от ручной зарядки; Мерсер повернул складную рукоятку несколько десятков раз и выдвинул антенну. Кaleb предложил подержать её, но приёмник сразу поймал местную волну.

Ведущая читала сообщения. Она торопилась и дважды начала одну фразу сначала.

«...просим водителей оставаться в автомобилях. Не следует пересекать ограждения частных участков. К настоящему моменту похожие явления зарегистрированы в нескольких штатах...»

Кто-то в студии произнёс что-то далеко от микрофона. Ведущая замолчала.

«...также поступают сообщения из-за рубежа. Мы не располагаем подтверждённой информацией о природе...»

Звук захлебнулся свистом. Мерсер убавил громкость.

— Видишь? — сказал Сайлас.

Пастор поднял глаза.

— Что именно?

— Они не знают. А Он уже сказал, зачем пришёл.

Мерсер снова повернул настройку.

«...не приближаться к источникам свечения до получения...»

— Я слышу, — сказал он.

Руфь принесла из дома блюдце с остатками лепёшки. Разломила куски помельче и поставила между детьми. Эстер смотрела, как старшая девочка берёт крошку двумя пальцами. Мальчик спросил у бабушки, можно ли съесть ещё. Та кивнула, но сначала пересчитала оставшиеся кусочки.

Сайлас заметил это тоже.

— Бери, — сказал он ребёнку. — Сегодня не нужно бояться.

Он произнёс это доброжелательно, почти ласково. Но Эстер увидела, как Мерсер посмотрел на блюдце, а затем на пустеющую канистру, и поняла: к утру мальчик снова захочет есть.

— Эстер, — сказал пастор, — помоги мне в машине. Там есть плед для Хейл.

Она пошла с ним. Плед лежал в багажнике, рядом с аптечкой и пакетом одноразовых стаканов. Мерсер вынул его и передал Эстер.

— У вас здесь вода осталась?

Она посмотрела на двор.

— Немного.

Он потёр переносицу.

— Если завтра будет выдача, я попрошу привезти сюда. Не обещаю, но попрошу.

Эстер удерживала плед у груди. Он пах чужой машиной и мятными пастилками.

— Я записала голос, — сказала она.

Мерсер не сразу понял.

— На телефон. Он там слышен. Я послушала.

— Значит, запись сохранилась?

— Батарея села. Но сохранилась, наверное.

— Сохрани её, когда сможешь включить. И время запиши.

Эстер кивнула. Она уже записала, но говорить об этом не стала.

— Вы думаете, это кто-то обманывает?

Пастор опёрся ладонью о край багажника.

— Я думаю, сегодня было очень жарко. Мы устали, плохо ели, почти не спали. Сейчас нам обещают всё, о чём мы просили. Я хочу, чтобы мы успели подумать, прежде чем решать.

Она почувствовала разочарование. Ей хотелось услышать определённый ответ, получить от взрослого уверенность, которой не было у неё. Вместо этого Мерсер предложил подождать. Впрочем, это было единственное, что она сама могла сейчас сделать.

— А если ждать нельзя?

Он посмотрел за холм.

— Пока нам не сказали, что нельзя.

Сайлас окликнул их из двора. Мерсер закрыл багажник.

Эстер вернулась с пледом. Бабушка укутала мальчика, оставив снаружи ноги в слишком больших сандалиях. Старшая девочка устроилась рядом на стуле, прислонилась щекой к её руке.

Свет над полем не менялся. Эстер заметила, что люди уже реже поднимают к нему головы. Мэй обсуждала с Руфью, куда положить детей. Пайк и Кaleb спорили, хватит ли бензина в фургоне до следующей заправки. Сайлас принёс свою Библию, но не открыл.

Она подошла к пастору.

— Мисс Белл завтра будет в школе?

— Собиралась. Я её видел вчера.

Эстер приготовилась попросить передать, что она придёт, но услышала за спиной отца:

— Завтра мы будем заняты.

Мерсер посмотрел на него.

— Эстер хотела помочь с кабинетом.

— Есть дела поважнее.

Мать опустила глаза на скатерть.

Эстер не стала возражать. Пастор приедет и уедет. Ей придётся остаться. Она знала это и раньше, но теперь впервые подумала, что отец знает тоже.

Мерсер задержался ещё на полчаса. Помог перенести детей в гостиную, оставил плед и пообещал вернуться утром, если дороги будут открыты. На прощание пожал Сайласу руку.

— Давай без спешки, — сказал он.

— Мы услышали, Скай.

В этих словах была вежливость, и Мерсер не стал спорить. Эстер проводила взглядом его машину, пока задние огни не исчезли на повороте.

Пайки уехали следом. Кaleb перед отъездом поднял к ней экран.

— Если поймаешь сеть, можешь посмотреть. Люди снимают со всех сторон. Один подъезжал почти к самому...

— Едем, — позвал Аарон.

Кaleb убрал телефон.

Мэй обняла Руфь, потом Сайласа. Она сказала, что впервые за много месяцев может не думать о завтрашнем дне. Мать улыбнулась ей в ответ. Эстер осталась возле калитки, чувствуя, что должна тоже улыбнуться, но не смогла.

Когда машины уехали, отец задвинул засов.

— На сегодня хватит, — сказал он. — Надо отдохнуть.

Эстер посмотрела на столп. У основания ещё двигались фары, теперь гораздо больше, чем прежде.

— А эти люди?

— Каждый решает сам.

Она ждала, что он добавит что-нибудь о свободе. Сайлас уже нёс стул в дом.

В гостиной спали дети. Миссис Хейл сидела между ними и слушала телефонный гудок: дочь всё ещё не отвечала. Руфь предложила ей полежать на диване, но женщина отказалась.

Эстер прошла на кухню. На дне канистры вода ещё плескалась, когда мать переставляла её на табурет. До утра им хватит. Эстер не знала, успокаивает ли её это или только откладывает страх.

Сайлас остановился у ведомости. Руфь держала карандаш.

— Записывать? — спросила она.

Он посмотрел на лист, затем на канистру.

— Запиши.

Мать наклонилась. Отец стоял рядом, пока она выводила цифры. Чудо не отменило ведомость. Эстер почему-то стало легче от этой маленькой последовательности.

Потом Руфь достала из хлебницы завернутую половинку лепёшки и подала дочери.

— Я оставила.

Сайлас не возразил. Эстер ела стоя, ловя крошки ладонью. Вкус казался сильнее обычного; вместе с голодом возвращалась усталость. Ей хотелось лечь так, чтобы никто больше не просил ни верить, ни выбирать, ни объяснять.

Отец посмотрел на часы над дверью.

— Ложись. Утром выедем рано.

Крошка застряла у неё в горле.

— Куда?

Сайлас не ответил сразу. Он будто удивился, что вопрос ещё мог возникнуть.

— Посмотрим на свет ближе.

— Мерсер сказал...

— Я говорил со Скаем.

Эстер перевела взгляд на мать. Руфь закрывала хлебницу. Крышка не попадала в паз; она приподняла её и попробовала снова.

— Просто посмотрим? — спросила Эстер.

— Ты хочешь завтра опять стоять у цистерны?

Она проглотила крошку.

— Нет.

— Вот и я не хочу.

Сайлас подошёл к ней и на мгновение коснулся ушиба на лбу. Эстер не успела уклониться. Прикосновение было лёгким, почти ласковым.

— Сегодня всё изменилось, дочь. Попробуй это принять.

Она поднялась к себе. Телефон лежал на подоконнике, чёрный экран отражал красную полосу. Эстер нажала кнопку, хотя знала, что он не включится. Приложила палец к треснувшему стеклу, где ещё недавно шли секунды записи.

Потом достала тетрадь и записала последние слова отца.

Раньше она заносила туда температуру и даты дождей. Теперь на странице появлялись фразы людей. Эстер не знала, что с ними делать, но чувствовала: завтра их могут сказать иначе, объяснить иначе, а ей нужно помнить, как было сегодня.

Она прочитала запись о голосе. Ни один из её маленьких опытов ничего не объяснял. Звук мог быть передан. Слова можно было записать. Человек, назвавшийся пастырем, не показывался.

Но свет стоял от земли до неба, и возле него двигались машины из их города.

Эстер легла, не раздеваясь.

В коридоре появился свет фонаря. Мать приоткрыла дверь, увидела её и вошла. В руках у Руфи было голубое платье. Она повесила его на спинку стула.

— В этом поедешь.

— Зачем платье?

Мать разгладила ткань у воротника.

— Оно чистое.

Эстер хотела напомнить, что рубашка тоже чистая, но увидела в её пальцах нитку. Руфь пришила оторвавшийся крючок у молнии. Однажды, в другой жизни, такой крючок был бы приготовлением к празднику.

— Ты пойдёшь туда? — спросила Эстер.

Мать присела на край кровати.

— С отцом.

— Я не про дорогу.

Руфь взяла её ладонь. Эстер почувствовала ноготь большого пальца, привычное кольцо, маленькую корочку возле сустава — мать обожглась о сковороду несколько дней назад.

— Мы будем вместе, — сказала она.

Ответ ничего не объяснял. Эстер поняла только, что мать считает его достаточным.

Руфь наклонилась и поцеловала её возле виска, осторожно, в стороне от ушиба. Потом встала. Фонарь освещал платье снизу, и в ткани проступали все швы.

— Постарайся поспать.

Она вышла, не закрыв дверь до конца.

Эстер лежала лицом к окну. Красное сияние добиралось до потолка, а платье висело в тени. Внизу тихо говорил отец: миссис Хейл снова пыталась дозвониться дочери, и он предложил помолиться вместе.

Незнакомый голос вернулся далеко за полночь.

— Уставшего приведите, — сказал он.

Эстер слышала эту фразу раньше. Та же пауза, то же мягкое понижение в конце. Может быть, он повторял обращение для тех, кто ещё не услышал. Может быть, говорил по записи. Она не могла проверить: телефон был мёртв.

Из гостиной донёсся скрип дивана.

— Пусть никто не останется за порогом.

Эстер повернулась к двери. За щелью, в коридоре, стояла мать. Видна была только её рука на косяке.

Она ждала, пока голос закончит.

Потом тихо, стараясь не разбудить дочь, Руфь закрыла дверь.

Багровый Столп

Глава 3

К дороге спасения

К утру красный свет побледнел, но не исчез.

Эстер проснулась от звона посуды. Несколько секунд она лежала, не открывая глаз, и ждала, что мать позовёт к обычному завтраку. Потом вспомнила платье на стуле.

Внизу пахло горячей кукурузной мукой. Руфь развела последние остатки водой и сварила негустую кашу. Миссис Хейл сидела за столом с внуками; мальчик уже ел, старшая девочкаковыряла корочку возле ногтя. На её коленях лежала вчерашняя смятая бутылка.

— Мама позвонила, — сказала она Эстер.

Миссис Хейл подняла глаза.

— Под утро. Не могла проехать, ночевала у знакомых. Теперь едет за нами.

Эстер кивнула. За окном пикап стоял носом к дороге. Отец протирает лобовое стекло сухой тряпкой; пыль собиралась в длинные полосы.

Она села. Мать положила перед ней тарелку и ненадолго задержала руку на столе. Под ногтями Руфи белели следы муки.

— Поешь всё.

Эстер ела, глядя на пустое место отца. Сначала он смотрел на колодец, ждал воды. Теперь развернул машину. Она не знала, где именно между этими двумя действиями он принял решение.

В платье не было карманов. Телефон Эстер оставила под матрасом. Тетрадь положила в маленькую сумку вместе с карандашом и носовым платком. Мать дала ей бутылку, наполнив до половины.

— Не выпивай сразу.

— Ты взяла себе?

Руфь показала вторую такую же бутылку.

Отец вошёл, положил тряпку на край раковины и посмотрел на сумку.

— Что там?

— Вода. Тетрадь.

— Для чего тетрадь?

Она сжала ручку.

— Записывать.

Сайлас покачал головой, но проверять не стал. Сказал Хейл, что дочь может подождать их в доме, и показал, где оставил ключ. Прежде чем выйти, ещё раз заглянул в гостиную, убедился, что открытое окно затянуто тканью.

Эстер захотелось остаться с детьми. Можно было следить за мальчиком, помочь старшей девочке вымыть чашки, дожждаться их матери. Любое из этих дел показалось ей убедительнее поездки. Но Сайлас уже держал дверь.

Она села у окна. Руфь устроилась посередине, отец — за рулём.

На выезде из двора Эстер заметила белую машину Мерсера. Пастор ехал навстречу и, увидев их, остановился. Сайлас опустил стекло.

— Хейл дома, — сказал он. — Её дочь дозвонилась.

— Хорошо. У меня немного воды.

На заднем сиденье лежали бутылки россыпью. Мерсер обернулся к ним, потом снова посмотрел на Сайласа.

— Вы к карьеру?

— Посмотрим.

— Дорога дальше забита. Шериф поставил людей у поворота.

Отец переставил руку на руле.

— Он и сегодня не даёт пройти?

— Пытается. Я был там около часа назад. Съезжайте на обочину, когда попросит. Не толкайтесь.

Эстер посмотрела на пастора. Тень от оконной рамы пересекала его лоб.

— Вы видели вблизи?

— Со стоянки.

— И что там?

Сайлас включил передачу.

— Вечером поговоришь.

Пастор отступил от машины. Пикап тронулся, и Эстер пришлось оглянуться через плечо, чтобы увидеть, как Мерсер достаёт бутылки из салона.

На просёлке уже стояли автомобили. Некоторые водители оставались за рулём, другие шли вдоль ряда пешком. Семья в минивэне завтракала с открытой боковой дверью; мужчина раздавал детям сухие хлопья из коробки. Над крышей минивэна столп казался продолжением дорожного столба, пока Эстер не подняла глаза.

Свет уходил в небо без видимой границы. Дневная синева проступала через края, середина оставалась густо-красной. Эстер смотрела на неё короткими взглядами. Когда задерживалась дольше, перед глазами возникало пятно, и приходилось моргать.

Отец остановил пикап за грузовиком. На борту было написано название строительной фирмы. В кузове, между бухтами кабеля, сидели люди.

Руфь расправила платье на коленях.

— Сколько ещё?

— До поворота мили две, — сказал Сайлас.

— А потом?

Он не ответил.

Эстер посмотрела на боковое зеркало. За ними остановилась легковая машина. Водитель вышел, обошёл её и открыл багажник. Красное пятно у него на рубашке двигалось вместе с пульсацией столпа.

Прошло десять минут. Грузовик не сдвинулся. Сайлас заглушил двигатель.

— Пешком быстрее.

Он вывел пикап из ряда и поставил возле полевой дороги, следя, чтобы колёса не попали в глубокую трещину. Под ветровое стекло положил листок с номером телефона. Эстер поняла, что отец рассчитывает вернуться, и немного успокоилась.

Когда они вышли, жара сразу легла на плечи. Солнце поднялось над лесополосой, тени ложились поперёк дороги. Руфь понесла сумку с Библией, которую Сайлас передал ей; Эстер взяла её за свободную руку.

Вдоль обочины тянулся ручей людей. Они двигались с разной скоростью, обгоняли друг друга и останавливались. Пожилой мужчина присел на край сухой канавы; жена стояла рядом, держала его шляпу. Подросток в наушниках шёл задом наперёд и снимал толпу. Мать с коляской просила пропустить её по асфальту, потому что на гравии ребёнка слишком сильно трясло.

Сайлас помог поднять коляску через выбоину. Женщина поблагодарила его, спросила, далеко ли ещё. Отец сказал, что осталось немного.

Эстер знала: он тоже не знает.

Они дошли до поворота, когда голос прозвучал вновь.

— Я вижу идущих.

Несколько человек остановились. Кто-то поднял телефон повыше. Эстер искала глазами громкоговоритель, хотя после прошлой ночи не ожидала его найти.

— Не оставляйте слабого на дороге.

Мужчина впереди обернулся, вернулся на несколько шагов и взял у своей спутницы тяжёлый рюкзак. Женщина с коляской заплакала.

— Я дам вам отдых.

Слова закончились. Люди пошли дальше, и Эстер заметила, что мать ускорила шаг.

Возле поворота дорогу перегораживали две машины шерифа. Между ними протянули жёлтую ленту. Толпа стояла плотнее; кто-то уже прошёл по канаве за ограждение. Полицейский в тёмных очках просил остальных подождать.

— Сколько ждать? — спрашивал мужчина возле ленты. — Вы всю ночь тут. Что выяснили?

— Я прошу вас отойти от проезжей части.

— Она стоит на земле. Мы хотим посмотреть.

Полицейский не спорил о том, что «она». Он повторял просьбу, каждый раз чуть медленнее. На шее у него висела рация, из которой вырывался короткий треск.

Руфь остановилась. Сайлас оглядел ограждение и увидел человека в канаве. Тот перешагнул через ленту, придержал её для женщины. Ещё двое последовали за ними.

— Пойдём, — сказал отец.

Эстер почувствовала, как пальцы матери стали скользкими в её ладони.

— Нас попросили ждать.

— Они просят всех. Видишь, другие идут.

Она не отпускала руку Руфи.

Полицейский подошёл к канаве. На мгновение Эстер показалось, что он достанет оружие, как вчера у цистерны. Но он только поднял ладони и сказал женщине с коляской, что дальше плохая дорога.

— Сюда с коляской нельзя. Хотя бы оставьте её здесь.

Женщина прижала к себе ребёнка, которого уже вынула.

— Тогда придержите.

Полицейский взял коляску за ручку. Вокруг него проходили люди.

Сайлас пересёк канаву первым. Руфь подняла подол, и Эстер пришлось либо пойти за ней, либо остаться одной. Она ступила в рыхлую землю. Когда выбиралась на другую сторону, жёлтая лента зацепилась за сумку. Эстер осторожно высвободила ручку, чтобы не порвать пластик.

Дальше дорога шла между полем и старой насыпью. Они миновали ржавые ворота, за которыми раньше хранили щебень. Эстер узнала будку весовщика: однажды отец привозил сюда камень для ремонта фундамента, а она сидела в пикапе и смотрела, как на табло меняются цифры.

За будкой открылась площадка.

Столп стоял в её дальнем конце.

В первую секунду Эстер не поняла, куда смотрит. Красное занимало столько места, что глаз искал отдельный предмет внутри, дерево, опору, что-нибудь привычное. У земли свет обрывался ровной дугой. По краю дуги лежал гравий; один камень оказался наполовину красным, наполовину серым. Он не двигался.

Люди подходили ближе и останавливались, освобождая дорогу следующим. Тень весовой будки была занята целиком. На площадке стоял фургон с открытой дверью, возле него — походный стул и пластмассовый таз. В тазу лежали мокрые полотенца. Молодая женщина предлагала их тем, кому стало дурно.

Сайлас снял шляпу. Эстер не заметила, когда он успел её надеть; в дороге смотрела главным образом под ноги. Теперь шляпа болталась в его руке, старая, пыльная, с продавленным верхом.

Отец сделал несколько шагов, Руфь — вслед за ним.

Эстер остановилась.

Отсюда не было видно, что находится за светом. Она знала площадку: позади неё начинался съезд к карьеру. Там стояли высокие кусты и разрушенная конвейерная лента. Сейчас не было ни кустов, ни ленты, только смещающиеся полосы внутри красного.

— Там проходит дорога? — спросила она.

Незнакомый мужчина рядом повернулся.

— Проход есть. До самого света.

— Я про другую сторону.

Он посмотрел туда, куда она указывала.

— Не знаю.

Эстер почувствовала запах нагретой резины. У фургона оставили ящик с инструментами, чёрную куртку, бутылки. Над всем этим кружили две мухи. Она следила за одной, пока та не села на горлышко бутылки.

Здесь по-прежнему были жара и жажда.

Сайлас стоял неподалёку от женщины с полотенцами. Она выслушивала человека в полосатой рубашке.

— Моей сестры нет с пяти утра, — говорил он. — Она пошла. В сумке документы, лекарства. Я думал, может, оставила вам.

— У нас только то, что люди сами принесли.

— Она ничего не принесла. У неё сумка через плечо. Коричневая.

Женщина покачала головой.

Эстер шагнула ближе.

— Вы видели, как она вошла?

Мужчина посмотрел на неё рассеянно.

— Я приехал позже. Она прислала сообщение. Тут была знакомая, говорит, видела.

— А назад кто-нибудь выходил?

Он вытер лицо ладонью.

— Мне бы сумку найти.

Женщина взяла чистое полотенце.

— Присядьте. Вон стул освободился.

Сайлас позвал дочь. Эстер отступила, но запомнила рубашку мужчины, тонкие белые полосы на тёмной ткани. Ей хотелось дожидаться ответа, а он больше не смотрел на свет. Искал глазами коричневую сумку.

У самого края стояли три человека. Один, крупный мужчина в воскресном костюме, держал раскрытую Библию. Он читал громко, пропускал строки, переворачивал страницу, хотя ещё не дошёл до конца. Рядом женщина поддерживала старика под локоть.

Эстер услышала знакомую фразу о пастыре, который полагает жизнь за овец. Читал человек. Его голос был грубее, он останавливался, чтобы откашляться. Всё время хотелось сравнить его с тем, что они слышали ночью.

Старик поднял ладонь.

— Хватит, сынок.

Читавший замолчал. Женщина сказала что-то старику на ухо. Тот покачал головой и расправил плечи.

— Я сам, — произнёс он.

Вокруг освободили место. Крупный мужчина закрыл книгу, но оставил палец между страницами. Старик повернулся к женщине. Она поцеловала его в щёку и отпустила локоть.

Эстер посмотрела на их руки. После того как они разошлись, женщина ещё несколько секунд держала ладонь открытой.

Старик пошёл к свету.

Он ступал осторожно, подволакивая левую ногу. Через несколько шагов остановился и поднял голову. Эстер увидела его лицо: щёки впалые, губы разомкнуты. Он улыбался.

Потом шагнул дальше.

Красное закрыло голени. Тёмные брюки были ещё видны, но потеряли очертания, будто Эстер смотрела через толстое цветное стекло. Она вытянула шею. Старик двигался, или ей казалось, что двигался; край света поднялся до его груди, затем исчезла голова.

Ничего не упало.

Женщина прижала ладони к лицу. Кто-то возле фургона произнёс «аминь». Крупный мужчина открыл Библию на прежнем месте.

Эстер ждала.

Ей хотелось увидеть хотя бы силуэт. Движение на дальней стороне, руку, поднятую из красного. Она понимала, что ожидание не имеет срока, но не могла уйти прежде, чем что-нибудь случится.

Отец положил ей ладонь между лопатками.

— Видела?

Она кивнула.

— Ни страха, ни боли.

Эстер повернула голову.

— Мы не видели, что дальше.

Сайлас убрал руку. Посмотрел на жену. Руфь стояла, прижав Библию к груди, и плакала так же беззвучно, как ночью.

К свету подошёл следующий человек. Молодой мужчина с маленьким рюкзаком. Он долго расстёгивал ляжку, потом передумал, натянул её обратно. Оглянулся на толпу.

— Я буду там, — сказал он.

Кому именно, Эстер не поняла. Несколько человек помахали ему.

Он вошёл быстрее старика. Красное сомкнулось вокруг плеч, и на площадке осталось пустое место.

Руфь глубоко вдохнула. Подалась вперёд.

Сайлас остановил её, поймав за запястье.

— Подожди.

Мать посмотрела на него с удивлением, затем перевела взгляд на Эстер.

Дочь отступила на шаг.

— Я не пойду.

Она сказала это негромко. Слова услышали отец и мать, женщина рядом с ними, может быть, ещё двое. Крупный мужчина продолжал читать.

Сайлас подержал запястье Руфи, прежде чем отпустить.

— Никто тебя сейчас не ведёт.

Эстер посмотрела на свет. До него было меньше двадцати шагов. Она могла различить камень у самого края, половину чьей-то брошенной перчатки.

— Я вообще не хочу.

Отец наклонился к ней. От его лица пахло потом и сухой тканью шляпы.

— Не надо говорить этого здесь.

— Ты сказал посмотреть.

— Мы смотрим.

Эстер сжала сумку обеими руками. Ручки врезались в пальцы.

— Тогда пошли домой.

Мать коснулась её плеча. Эстер сбросила руку, сама испугалась этого движения и шагнула ещё дальше.

Теперь на них смотрели. Женщина с полотенцами отвлеклась от своего таза. Мужчина в полосатой рубашке поднялся со стула.

Сайлас выпрямился.

— Ей плохо от жары, — сказал он.

Эстер хотела возразить, но действительно почувствовала слабость. На площадке не было тени, голубая ткань прилипла к спине. Если она заговорит громче, голос может сорваться, и отец будет прав хотя бы в том, что все увидят.

— Присядьте у фургона, — предложила женщина.

— Благодарю, — ответил Сайлас.

Он взял Эстер выше локтя. Не сжал, но пальцы легли так, что отодвинуться можно было только рывком. Они прошли к стулу. Мужчина в полосатой рубашке уступил его и снова пошёл вдоль площадки, глядя на вещи возле машин.

Эстер села. Женщина дала ей влажное полотенце, оно уже успело нагреться. Руфь открыла бутылку.

— Выпей.

Она послушалась. Вода была настоящей, проглоченный глоток можно было почувствовать. Эстер держала бутылку и смотрела на отца.

Сайлас стоял спиной к столпу. На полях его шляпы дрожала тень.

— Мы приехали всей семьёй, — сказал он. — И вернёмся всей семьёй. Ты услышала?

Эстер кивнула слишком быстро.

— Хорошо.

Он повернулся к Руфи:

— Не сегодня.

Мать закрыла бутылку. От её лица ушло выражение, которого Эстер боялась больше всего: готовность сделать следующий шаг.

— Да, — сказала она.

Сайлас смотрел на дочь. Теперь Эстер поняла, что он не отказывается от света. Он отказывается оставить её.

Отец взял у жены Библию, раскрыл и стал искать страницу. Бумага под пальцами шуршала. Через несколько секунд он перестал перелистывать, но читать не начал.

— Нужно подготовиться, — произнёс он.

Руфь кивнула.

Эстер опустила взгляд на сумку. Тетрадь лежала под бутылкой, чуть влажная с краю. Она не могла достать её здесь.

Они уходили, когда у света запели. Кто-то начал гимн, другие подхватили. Эстер узнала мелодию со вчерашнего двора. Её пытались удержать в одном ритме, но люди дышали по-разному, и строки расходились.

Возле будки весовщика она оглянулась.

Крупный мужчина в костюме больше не читал. Он стоял перед столпом, закрыв книгу обеими руками. Женщина, отпустившая старика, была рядом. На мгновение Эстер решила, что они пойдут вместе. Но мужчина что-то сказал ей, и она отошла.

Он шагнул один.

Эстер не видела, чем это закончилось: Руфь потянула её за руку, потому что следовало пропустить встречную коляску. Когда дорога снова открылась, свет уже скрывался за будкой.

Обратно идти было тяжелее. Солнце поднялось выше, подошвы натирали босые пятки. Сайлас торопил их, останавливаясь каждые несколько шагов. Мать молчала.

У жёлтой ленты стояла пустая коляска. Полицейский разговаривал по рации, повернувшись спиной. Он не посмотрел на них, когда они вернулись через канаву.

На другой стороне Сайлас протянул жене руку, помог выбраться. Эстер пришлось подняться самой. В ботинок попал мелкий камень. Она вынула его, держась за край дорожного знака.

К пикапу они подошли, когда в бутылке Эстер осталось два глотка. Она не стала их пить.

Отец убрал листок из-под стекла. Рядом с машиной стоял чужой велосипед, прислонённый к столбу, но человека нигде не было видно. Эстер посмотрела на руль: высокий, с серыми ручками. Велосипед был совсем не похож на Ноев.

Сайлас завёл двигатель. Сначала они долго ждали, пока удастся развернуться, затем медленно потянулись вдоль обочины.

Люди всё ещё шли навстречу.

Женщина несла на руках маленькую собаку. Мужчина рядом тащил сумку на колёсах; одно колесо не вращалось, скребло асфальт. Подросток, которого Эстер видела на пути туда, теперь держал телефон внизу. Наушники висели у него на шее.

На повороте Сайлас остановился, пропуская грузовик. Эстер достала тетрадь.

Она написала: «Видела, как вошли двое. Старик. Молодой с рюкзаком».

Подумала о человеке с Библией. Его последнего шага она не увидела. Приписала отдельно: «Третий подошёл».

Руфь взглянула на страницу, но ничего не сказала.

Эстер перевернула лист. Хотела написать, что никто не вернулся, затем поняла: она была там слишком мало. На площадке ей не дали досмотреть. До их приезда прошло несколько часов.

Она записала: «Пока смотрела, назад не выходили».

Отец увидел тетрадь в зеркале.

— Убери.

Она прижала карандаш к стигбу.

— Я хочу помнить.

Сайлас ждал, пока грузовик проедет. Большой палец двигался по шву рулевого колеса.

— Помнить ты должна то, что Он обещал.

Эстер закрыла тетрадь.

От ворот карьера их пикап медленно увозил тех, кто собирался вернуться домой. Навстречу ехали машины с детьми, стариками, полными и пустыми багажниками. Над крышами оставался столп, неподвижный даже тогда, когда дорога уходила в сторону.

Руфь опустила голову на спинку сиденья. Сайлас ехал молча. Эстер держала сумку на коленях и не выпускала её ручек.

За полями показалась их силосная башня.

Отец посмотрел на неё, потом свернул к дому.

— Сегодня начнём, — сказал он.

Мать не спросила, что именно.

Багровый Столп

Глава 4

Два галлона

На столе лежала записка от миссис Хейл.

Она благодарила за ночлег и сообщала, что дочь приехала. Внизу старшая девочка нарисовала дом с тремя окнами. Над крышей оставила пустое место, потом вернулась и провела красным карандашом длинную полосу. Полоса упиралась в край бумаги.

Руфь сняла записку с солонки. Под ней лежали две запечатанные бутылки воды.

— Скай привёз, — сказал Сайлас.

Он поставил их рядом с канистрой, прочёл записку ещё раз и положил в ящик. Рисунок исчез вместе с благодарностью.

Эстер поднялась переодеться. На пятках натёрлись красные пятна; один носок прилип к ссадине, и пришлось осторожно отделять ткань от кожи. Она сунула ноги в домашние туфли. Голубое платье повесила на крючок за дверь.

На улице грохнул ворот колодца.

Она подошла к окну. Отец снова опускал ведро. Некоторое время держал верёвку неподвижно, затем поднял. Вытряхнул на землю немного серой жижи.

Эстер смотрела, как она впитывается. Между камнями остался мокрый след. Отец потёр пальцы о брюки и пошёл в дом.

Он позвал их в гостиную.

Плед Мерсера лежал на спинке дивана. На полу остался детский сандальный след, выложенный мелким гравием: камешки высыпались из подошвы. Эстер присела, собрала их в ладонь и подержала, прежде чем выбросить за окно.

Сайлас сел на стул перед столом, поставил рядом свои ботинки. Руфь устроилась на диване. Эстер села возле неё.

— Сегодня мы просили о воде, — начал отец.

Они не просили. У карьера он не обращался к голосу. Эстер помнила каждое действие, но не стала поправлять.

— Нам дали больше. Мы увидели дорогу, которая открыта всем. А вернулись сюда, где завтра снова нужно думать, сколько осталось на дне.

Он посмотрел на дочь.

— Мы возвращались не потому, что дорога плохая.

Руфь сложила руки на коленях. Эстер опустила глаза на подлокотник. На ткани было светлое пятно от детского пота.

— Я испугалась, — сказала она.

Отец кивнул, будто ждал именно этих слов.

— Страх бывает. Но ему нельзя отдавать себя.

— Там люди исчезали.

— Уходили, Эстер.

Она подняла голову.

— Я не знаю, куда.

— Все мы не знаем. Вера начинается там, где ты перестаёшь требовать, чтобы тебе всё показали.

Мать чуть повернулась к нему. Эстер заметила в её лице настороженное внимание: Руфь тоже ждала объяснения тому, почему они оставили столп.

Сайлас положил на стол раскрытую книгу.

— Мы не будем больше жить, будто ничего не произошло. Вечером помолимся вместе. Завтра тоже. Начнём с малого: каждый скажет, что держит его здесь.

— В доме? — спросила Эстер.

— В этой жизни.

Она посмотрела на окно. Между полосками ткани виднелась яблоня, которую отец обрезал весной. В одной развилке стояла её старая кормушка, пустая. Эстер помнила, как забира-лась туда за застрявшим мячом. Помнила грязные ладони, вкус яблока, ноготь, отломившийся о кору.

— Я хочу жить, — сказала она.

Сайлас подержал взгляд на её лице.

— Ты слышала, что там не будет смерти.

— Слышала.

— Тогда думай об этом.

Он встал. Разговор был закончен, но Эстер почувствовала, что получила задание, у кото-рого нельзя было проверить правильность иначе, чем по выражению отцовского лица.

До вечера Сайлас несколько раз звонил в часовню. Проводная линия работала с переры-вами. Когда соединение пропадало, он оставлял трубку возле аппарата, словно мог удержать разговор открытым.

Эстер помогала матери на кухне. Они перебирали фасоль. Часть зёрен оказалась с черво-точинами; Руфь складывала их отдельно, но не выбрасывала. Из гостиной доносились корот-кие ответы отца.

— Машина доехала?.. А Беннетт где?.. Когда ушёл?

Он замолчал.

— Я понимаю. Кто-нибудь должен остаться у крана.

Руфь сдвинула блюдце к дочери.

— Эти пока оставь.

Эстер спросила, кто такой Беннетт. Мать ответила, что водитель. Вozил воду из распре-делительного центра.

— Он больше не привезёт?

— Не знаю.

Отец появился в дверях.

— Выдача у часовни. Муниципальную площадку закрыли после вчерашнего. Эстер остановилась с зерном между пальцами.

— Почему у часовни?

— Там люди. Есть кому раздавать. У садового центра половина ограды сломана. Он достал карточку из своей рубашки, посмотрел на неё.

— Поеду помогу. Нас тоже отметят.

— Надо принести ещё? — спросила Руфь.

— Две пустые. Больше не дадут.

Сайлас взял ключи. Эстер посмотрела на него, затем на фасоль.

— Можно с тобой?

Он задержался у двери.

— Для чего?

— Канистру понесу.

Отец оценил её домашние туфли.

— Обуйся нормально.

Она кивнула, пошла наверх и нашла носки. Надевала осторожно, стараясь не задеть пятки. Телефон под матрасом был холодным. Эстер сунула его в карман джинсов, сверху прикрыла рубашкой. Кабель от него лежал в ящике стола; она взяла и кабель.

Не было никакого плана, кроме надежды встретить человека, который всё ещё думал о другом человеке, а не о столпе.

У часовни стояла та же серебристая цистерна.

Её поставили в тени кирпичной стены. Шланг протянули через ограду; возле него Мерсер и женщина в рабочем жилете наполняли ёмкости. За столом сидела служащая с муниципальной площадки. Эстер узнала её, хотя сегодня на щеке не было потёка туши.

Людей оказалось меньше, чем вчера. Они стояли спокойнее, но Эстер не могла понять, что это значит. Кто-то получил воду раньше. Кто-то ещё находился у карьера. Кому-то уже не было нужно.

Сайлас поднялся к пастору. Они поговорили, затем отец снял рубашку, оставшись в нижней майке, и подошёл к шлангу.

— Карточку Доре покажи, — сказал он дочери. — Отметит, потом стой рядом. Наша очередь позже.

Эстер подошла к столу.

— Фамилия?

Она показала карточку. Служащая сверилась со списком и поставила отметку. Рядом с тремя именами уже стоял вчерашний красный штамп. Теперь появился синий.

— По два галлона на дом, — сказала Дора. — Прежде чем уйдёте, у меня закроете выдачу.

— А если часть семьи...

Эстер остановилась. Дора подняла глаза.

— Что?

— Если их стало меньше, столько же дают?

Женщина посмотрела на список.

— Пока столько же.

Эстер отошла. Сидевший за ней мужчина предъявил две карточки. Объяснял, что у соседки больные ноги, он возьмёт и на её дом. Дора попросила назвать номер телефона. Мужчина сказал, что соседка ушла к свету, но вода всё равно нужна её мужу.

— Тогда имя мужа, — ответила Дора.

Он начал искать его в телефоне.

Эстер стояла возле ограды, держала пустые канистры и смотрела, как отец наполняет чужие. Он делал это умело: придерживал горловину, пережимал шланг до того, как вода достигнет края, ставил ёмкость на землю, не расплескав. Когда люди благодарили, Сайлас отвечал, что надо благодарить не его.

Мерсер подошёл к Эстер с полотенцем на плече.

— Пятки натёрла?

Она перестала переминаться.

— Немного.

— Внутри есть пластырь. Спросишь у миссис Росс, она возле аптечки.

Эстер посмотрела на дверь часовни.

— Я могу зайти?

— Конечно.

Ей пришлось переспросить отца. Он махнул рукой, не поднимая головы от очередной канистры.

Внутри пахло пылью, старым деревом и слабым лекарственным запахом. Скамьи сдвинули к стенам. На полу лежали люди: кто-то спал, кто-то сидел, вытянув ноги. На кафедре стояла коробка одноразовых стаканов. Под распятием зарядили сразу несколько телефонов; кабели шли к удлинителю, подключённому через окно к генератору.

Эстер увидела Ноя.

Он сидел у стены, рядом с переносной батареей. На коленях держал телефон и слушал пожилую женщину, показывавшую ему листок с номером.

— Здесь восемь или три? — спросил он.

— Восемь. Это моя дочь. Три у сына.

Он исправил цифру, нажал на экран. Ждал, глядя на женщину.

Эстер остановилась неподалёку. Ной поднял голову и сразу заметил её карман.

— Твой ещё жив?

— Сел.

Он повернул батарею так, чтобы был виден свободный разъём.

— Подключи. Только потом забери, а то тут уже потеряли два.

Эстер вытащила аппарат и кабель. Когда экран засветился, она почувствовала облегчение, которое было бы трудно объяснить отцу. Несколько часов назад на площадке люди исчезали за красной границей. Здесь маленький значок менялся вполне понятным образом: в батарее становилось больше заряда.

Миссис Росс дала ей пластырь и место на скамье. Эстер сняла ботинок. Под носком образовалась маленькая ссадина; она вытерла кожу сухой салфеткой и наклеила полоску.

Пожилая женщина с телефоном отошла. Ной опустил рядом.

— Ты была в школе? — спросил он.

— Не получилось.

— Я подумал. Белл сказала, в понедельник должны забрать шкафы. Она сегодня закрыла в двенадцать. Завтра будет снова, если кто-нибудь поможет.

Эстер посмотрела в сторону входа.

— Отец меня не пустит.

Ной откинулся к стене. Некоторое время он ничего не говорил.

— Я ездил за тобой утром. У дома никого снаружи не было. Потом увидел машину Мерсера и не стал.

— Мы ездили к карьеру.

Он повернулся к ней.

— Вошли?

— Я же здесь.

— Я не это... Я хотел спросить, дошли ли до света.

— Дошли.

Ной потёр ладони о колени.

— Бабушка хочет, чтобы мы отвезли её. Говорит, там не нужно будет дышать через трубку.

Эстер помнила небольшую кислородную установку в их гостиной. От неё всегда шёл ровный гул, и Ной кричал на брата, если тот задевал шнур.

— А ты?

— Я хочу, чтобы она дышала.

Эстер не нашла ответа. На улице ударила о землю пустая канистра. Послышался голос Сайласа, он просил подойти следующего.

— Я записала его, — сказала она Ною.

— Кого?

— Голос. Ночью. Хочу проверить, запись сохранилась или нет.

Ной взглянул на экран. Заряда было ещё мало.

— Дай ему несколько минут. Старый аккумулятор.

Они сидели молча. Эстер смотрела на телефон, Ной — на дверь. В часовне говорили негромко; кто-то всё время пытался дозвониться, кто-то складывал записки в коробку, помеченную словом «РОДНЫЕ».

— Моя мама тоже верит, — сказал Ной. — Не говорит, что пойдёт. Но верит.

Эстер посмотрела на него.

— Может быть, они правы.

Он не ответил сразу.

— Может быть.

Эстер хотелось, чтобы он возразил. Вместо этого Ной потянулся к телефону, проверил, не нагрелся ли корпус, и положил обратно. Она поняла, что ему сейчас нужно не меньше, чем ей, чтобы кто-нибудь взрослый знал, что делать.

Минут через десять Эстер открыла список записей. Файл был на месте. Под названием стояло время, и это время совпало с записью в тетради.

Ной достал из кармана один наушник. Второй давно оторвался; он сунул оставшийся в разъём и передал ей.

Эстер нажала воспроизведение.

Сначала заскрипели доски. Её собственный голос сообщил, что она в комнате. Эстер промотала вперёд.

Незнакомец заговорил.

Те же слова, та же близость. Но теперь она видела деревянную скамью, руку Ноя, которой он придерживал кабель, полоску пластыря на своей пятке. Желания немедленно идти куда-то не возникло. Она всё ещё чувствовала жажду, но знала, что отец скоро наполнит их канистру.

Эстер передала наушник Ною.

Он послушал до конца, вернул.

— У нас то же самое говорил.

— Слово в слово?

— Начало не помню. Про слабого — да.

Она сохранила копию файла под другим названием, хотя понимала, что второй файл на том же телефоне не спасёт его, если аппарат отберут. Ной посмотрел на это, затем достал свой.

— Давай и мне.

Они несколько минут пытались соединить устройства. Эстер плохо помнила, где включается передача; Ной помог, принял файл и переименовал его, добавив её имя.

— Если потеряешь, у меня будет, — сказал он.

Из двери позвал Сайлас.

Эстер выдернула кабель слишком резко. Батарея соскользнула с колен Ноя; он успел поймать её у самого пола.

— Спасибо, — сказала она.

На улице отец уже держал их наполненную канистру. Вторую, пустую, поставил сверху, так что она перекрывала ручку.

— Что ты там делала так долго?

Эстер показала пятку.

— Пластырь наклеила.

Сайлас посмотрел на карман. Угол телефона выступал из-под рубашки.

— Он работает?

Она кивнула.

— А я думал, сломан.

Дора окликнула их, требуя карточку для закрытия выдачи. Отец протянул ей бумагу, затем подошёл к машине. Эстер понесла пустую канистру. На прощание Мерсер сказал, что Хейл с дочерью уехали благополучно; он видел их перед тем, как вернуться к цистерне.

Сайлас поставил воду в кузов.

— Беннетт нашёлся? — спросил он пастора.

Мерсер убрал полотенце с плеча.

— Жена говорит, пошёл ночью. Телефон оставил дома.

Отец помолчал.

— Есть кто на его место?

— На сегодня есть. Завтра узнаем.

Эстер села в пикап. Кузов скрипнул под тяжестью воды. Ей хотелось спросить, кто вообще ищет Беннетта, но Мерсер уже шёл к людям. Сайлас сел за руль.

В дороге он попросил телефон.

Эстер вытащила его, не отдавая.

— На что ты его тратишь?

— Ночью голос записала.

Он посмотрел на неё.

— Для чего?

— Хотела потом послушать.

Ответ был правдой. Сайлас взял аппарат. Эстер успела погасить экран, и он держал теперь тёмный прямоугольник, поворачивая в пальцах.

— Разве тебе мало того, что ты слышишь?

Она не знала, как ответить, не повторяя спор у колодца.

— Мерсер сказал сохранить.

Отец положил телефон на приборную панель.

— Скай слишком много думает о том, как это устроено.

— Он воду привёз.

— Я не говорю, что он плохой человек.

Пикап подпрыгнул на выбоине. Телефон поехал к стеклу; Эстер протянула руку, но Сайлас поймал его первым.

— На время подготовки побудет у меня.

Она посмотрела на отца. Он убрал аппарат в нагрудный карман, застегнул пуговицу. Там же лежала карточка выдачи. Два небольших предмета, от которых зависели совсем разные вещи, теперь были под одним клапаном.

— Я ничего плохого не делала.

— Значит, можешь спокойно обойтись без него.

Эстер отвернулась к окну. Она знала, что копия осталась у Ноя. Это знание ничего не меняло в машине, но позволило не попросить ещё раз.

Дома Руфь встретила их у крыльца. Сайлас отнёс воду на кухню и принялся переливать в семейную канистру. Тонкая струя журчала, светилась у горловины. Эстер поймала себя на том, что слушает её с удовольствием.

Отец оставил немного в выданной ёмкости, покачал её, проверяя остаток, затем вылил всё.

— Два галлона, — сказал он. — На троих до следующей выдачи.

Руфь записала число. Она спросила, надо ли варить фасоль на вечер, и Сайлас кивнул.

Он не предложил отказаться от еды. Не запер дверь, не заставил Эстер снова надеть пла-тье. Пока всё сводилось к словам и телефону в его кармане. Именно это мешало понять, когда следовало перестать соглашаться.

Эстер помогла вымыть стол. Потом поднялась к себе и записала имя Беннетта. Под ним: «Жена говорит, ушёл ночью. Скай сказал. Я не видела».

На следующей строке написала: «Копия у Ноя».

Долго смотрела на эти три слова и решила не вычёркивать. Тетрадь снова спрятала в атлас, атлас положила под стопку других книг. На матрасе оставалась маленькая впадина там, где лежал телефон.

К ужину Сайлас расставил кружки заранее.

Эстер села напротив своей. Вода доходила до выщербленного места на внутренней стороне; отец отмерял порции этой отметкой ещё до появления столпа. Руфь поставила фасоль, взяла ложку.

— Сначала помолимся, — сказал Сайлас.

Мать отложила ложку.

Эстер сложила руки. Отец произнёс обычную благодарность, затем замолчал. Она ждала «аминь», но пауза продолжалась.

— Теперь ты, — сказал он дочери.

— Что я?

— Скажи, что готова освободиться от страха.

Эстер посмотрела на свою кружку. После дороги и часовни хотелось выпить всю сразу.

— Я хочу не бояться, — сказала она.

Сайлас покачал головой.

— Не о том, чего ты хочешь. О том, что отдаёшь.

Руфь сидела с закрытыми глазами. По её щеке стекала капля пота. Эстер не знала, услышала ли мать поправку, или только ждала окончания молитвы.

— Я не умею, — сказала Эстер.

— Учись.

Она попробовала повторить за ним. Слова получились гладкими, чужими. Отец не принял их: услышал, что она повторяет, и предложил подумать.

Вода стояла между её ладонями.

Эстер могла взять кружку. Отец ещё ничего не сказал про запрет. Можно было объяснить, что она хочет пить, что молитва не мешает ей проглотить несколько глотков. Но мать держала руки сложенными, Сайлас смотрел на дочь, и Эстер оставила кружку на месте.

За окном начал звучать голос.

Он говорил об отдыхе для уставших. Эстер слушала, чувствуя, как пересыхает язык. Отец тоже слушал, но не поднял глаз к окну.

Когда голос замолчал, Сайлас спросил:

— Теперь понимаешь?

Она кивнула.

Он ждал слов.

Эстер смотрела на воду и подбирала такие, после которых ей наконец позволят пить.

Багровый Столп

Глава 5

Оставленные вещи

Потом Эстер не могла вспомнить, что именно сказала за столом. Помнила, как отец наконец опустил руки, как мать первой взяла ложку, словно этим разрешала остальным двигаться. Вода была тёплой. Эстер выпила половину кружки, остановилась и почувствовала на себе взгляд Сайласа.

— Вот видишь, — сказал он.

Она не спросила, что должна была увидеть.

За ужином отец говорил о завтрашнем дне. У часовни по-прежнему требовались люди: кто-нибудь должен был переносить канистры, освобождать проходы, помогать старикам. Привычное воскресное богослужение решили сократить. Сайлас считал это правильным. Когда Пастырь заговорил сам, людям незачем было тратить утро на человеческие толкования.

Руфь спросила, будет ли там миссис Хейл.

— Её забрала дочь, — ответил он. — Я же говорил.

— Я знаю. Я думала, может, они вернутся.

Отец вытер хлебом тарелку. Крошки прилипли к мокрому пальцу.

— Вернутся, если услышат.

Ночью Эстер проснулась от треска во дворе. Села, прежде чем поняла, что это остывает железная крыша сарая. В комнате было темно, но на потолке лежала красная полоса, прерванная рамой окна. Голоса не было. За стеной отец кашлянул и перевернулся на кровати.

Она подошла к окну.

Дорога за фермой обычно исчезала после захода солнца. Теперь её можно было различить до самого поворота. По ней двигались люди. Трое шли рядом, один немного впереди; женщина держала над головой раскрытый зонт, хотя ночь была без дождя. Иногда между ними проезжала машина, и в лучах фар лица на мгновение становились обычными, жёлтыми, уставшими. Потом фары уходили, и снова оставалось багровое освещение.

Эстер попыталась представить, сколько человек прошло мимо, пока она спала. Считать было поздно. Они могли идти весь вечер, могли только что выйти из домов. Она видела четверых, затем ещё двух, потом мужчину с ребёнком на плечах. Ребёнок спал, прислонившись щекой к его макушке.

Она вспомнила старика у карьера. Как он неловко шагнул вперёд, волоча ногу. Как женщина отпустила его руку.

Наверное, они всё ещё находились там. Если свет уводил людей в какое-то место, они могли просто ждать за ним. В школе однажды смотрели фильм о спасении после наводнения: люди выходили из затопленного района по одному, а камера показывала только узкий проход между двумя домами. Те, кто прошёл, исчезали из кадра. От этого они не переставали существовать.

Эстер держалась за подоконник, пока древесная заноза не уколола ладонь. Сегодня у света не было другого кадра. Никто не показывал, куда попадали вошедшие.

Утром Сайлас нашёл её на кухне. Она уже оделась и складывала в полотняную сумку пустые бутылки.

— Хочу помочь, — сказала Эстер, не дожидаясь вопроса.

Он посмотрел на сумку, потом на её лицо.

— Спала?

— Да.

Сон был, хотя и короткий. Этого оказалось достаточно, чтобы ответить без явной лжи.

Руфь осталась дома. Нужно было разобрать фасоль и зашить наволочку, но Эстер поняла, что мать просто не хочет снова идти к людям. С утра у неё дрожали пальцы. Она дважды уронила ложку, а когда Сайлас предложил собираться, сказала, что здесь тоже есть работа. Он не возражал.

На дороге отец остановился у фургона Пайков. Аарон стоял на коленях возле переднего колеса. Мэй придерживала над ним кусок картона, дававший немного тени. Даже в этот час солнце уже припекало плечи.

— Кaleb где? — спросил Сайлас.

— На другом конце, — ответил Аарон и показал большим пальцем за фургон.

Эстер успела испугаться раньше, чем увидела молодого человека. Кaleb лежал на старом одеяле, просунув голову под машину. Рядом стояла коробка с инструментами. Из-под днища донеслось короткое ругательство, и Мэй поморщилась.

— Ремень, — объяснил Аарон. — Завели, а он пошёл ключьями.

Сайлас предложил довести их до часовни. Пайк сказал, что сперва закончат, иначе потом придётся толкать машину в тень. Они ещё не решили, куда ехать дальше.

— Свет ведь никуда не денется, — сказала Мэй.

Её муж поднял голову.

— Мы этого не знаем.

Она убрала картон, чтобы переложить его в другую руку, и Аарон сощурился. Несколько секунд супруги смотрели друг на друга поверх открытой дверцы. Потом Мэй снова прикрыла ему голову. Сайлас сказал, что вечером зайдёт узнать, нужна ли помощь.

Когда они отъехали, Эстер оглянулась. Кaleb уже сидел на земле, держа чёрный обрывок ремня. Она была рада видеть его раздражённым и испачканным маслом. Но отец заметил её взгляд, и она повернулась вперёд.

У часовни очередь начиналась раньше, чем в субботу. Некоторые люди принесли складные стулья. На траве между корней сидела женщина с двумя большими собаками; одна собака непрерывно облизывала пустую миску. Дора повесила на верёвку новый лист бумаги. Выдача должна была начаться на час позже.

Сайлас сразу пошёл к цистерне. Эстер осталась у столов, где вчера работал Ной. Теперь там сидели две незнакомые девушки. Они записывали номера на отдельных листках, потому что телефон одной разрядился, а второй аппарат всё время терял связь. Под столом лежал удлинитель. Розетки были пусты.

— Генератор берегут для насоса, — сказала девушка, заметив, куда смотрит Эстер. — На звонки включают позже.

Картонная коробка с надписью «РОДНЫЕ» стояла рядом. Бумажек в ней стало много, и кто-то согнул края внутрь, чтобы их не уносил ветер. На одной крупными буквами было написано имя, а ниже только: «Мы дома. Вернись».

Эстер отступила от стола.

На ступенях часовни женщина раскладывала фотографии. Она прижимала их по углам маленькими камнями. Рядом стоял раскрытый чемоданчик с металлической застёжкой; из него выглядывали аккуратно сложенные листы. Женщина была в бледно-зелёной блузке. Под мышками ткань потемнела от пота, но на шее висело застёгнутое до самой ключицы ожерелье.

Эстер узнала мужчину на фотографии: он стоял у водовоза, одной рукой опираясь на зеркало. В другую был зажат бумажный стаканчик. Его лицо она помнила по выдаче, хотя тогда не знала имени.

Женщина подняла последний снимок, посмотрела на него и положила обратно в чемоданчик. На ступеньке остались две фотографии. На одной мужчина был один, на другой рядом с ним стояла сама женщина, моложе и с короткими волосами.

— Это мистер Беннетт? — спросила Эстер.

Женщина вскинула голову.

— Ты его видела?

Ответ пришлось дать быстро, пока на её лице не появилось то, чего Эстер не могла оправдать.

— Раньше. Когда привозил воду.

— А с пятницы?

— Нет.

Женщина кивнула и поправила камень на фотографии.

— Им всё нужен свежий снимок, — сказала она. — Будто за одну ночь он стал другим человеком.

Она разговаривала спокойно, без слёз. Только одной рукой всё время приглаживала край блузки на колене.

Эстер присела на нижнюю ступеньку. Из дверей пахло горячим деревом, тканью и слабым аптечным запахом. Внутри кто-то переставлял стулья.

— Пастор сказал, он ушёл ночью.

— В половине второго я ещё с ним говорила. Он не спал. Сидел у окна. Я сказала: закрой занавеску, мне свет мешает. А утром занавеска была закрыта.

Миссис Беннетт открыла чемоданчик, достала чистый лист и опять убрала.

— Он оставил записку?

— Нет. Чашку помыл. Тапочки поставил возле кресла. Надел ботинки. На полке нет старой кепки, значит, взял её. Больше я ничего не знаю.

— А телефон?

— На зарядке. Полный. Я ему всегда напоминаю, чтобы заряжал.

Мимо них прошёл мужчина с двумя пустыми ведрами. Он замедлил шаг, глядя на фотографии.

— Наверно, призвали, — сказал он. — Не тревожьтесь, сестра. Ему теперь лучше нашего.

Миссис Беннетт расправила ладонь на колене.

— Он обещал отвезти меня к врачу в среду.

Мужчина остановился окончательно. Потом посмотрел на Эстер, словно она должна была помочь ему ответить.

— Там и врачи не нужны, — произнёс он.

— Мне здесь нужен.

Он отошёл. Вёдра ударились друг о друга, когда он повернул за угол.

Эстер смотрела на женщину и боялась заговорить. Ей хотелось сказать, что это правильно: ждать мужа, сердиться за оставленный телефон, помнить среду. Но любое одобрение прозвучало бы так, словно она знала, что с ним случилось.

— Я была вчера у карьера, — сказала она наконец. — Видела, как туда входили.

Миссис Беннетт резко повернулась.

— Его?

— Других. Старика. И парня с рюкзаком.

— А обратно?

Эстер покачала головой.

Женщина долго молчала. Потом взяла фотографию с водовозом и протянула ей.

— Смотри. У него над правой бровью шрам. На этом почти не видно, но ты запомни. И два пальца на левой руке не сгибаются до конца. Он дверью придавил ещё до нашей свадьбы.

Эстер взяла снимок. Бумага была гладкая, плотная, с глянцем, на котором сразу остался отпечаток её пальца.

— Если увидишь, скажи ему, что я жду. Не надо говорить, что я сержусь. Просто жду.

— Я сегодня туда не еду.

— Потом. Если поедешь.

Эстер вернула фотографию, но женщина не взяла.

— У меня ещё есть.

Она положила снимок в сумку между пустыми бутылками. От этого показалось, что она приняла поручение, выполнить которое не умеет.

Из часовни вышел Мерсер. Он придержал дверь плечом для миссис Росс, нёсшей картонную коробку с бинтами, потом спустился к ним. Скай был в той же рубашке, что вчера, только без верхней пуговицы: на её месте торчала белая нитка.

— Нашлось что-нибудь? — спросила миссис Беннетт.

Он опустился рядом на ступеньку.

— Две коробки привезли от поворота. Хотели, чтобы вы посмотрели.

— Почему не принесли сюда?

— Они в моей машине. Я подумал, сперва вам скажу.

Женщина сразу встала, задела носком камень, и один снимок сполз на нижнюю ступеньку. Эстер подняла его и положила в чемоданчик. Когда посмотрела вверх, миссис Беннетт уже шла следом за пастором.

Она осталась возле двери. Постояла, прислушиваясь к звукам от цистерны. Отец был занят; его голос слышался среди других, ровный и уверенный. Потом Эстер тоже пошла к машине.

Мерсер поднял крышку багажника. Внутри стояли две коробки из-под консервов. В одной лежали несколько матерчатых сумок, в другой — отдельные вещи: очки в жёстком футляре, кепка, ремень с серебристой пряжкой, ключи на пластиковом кольце. Всё пересыпали из дорожных пакетов. Пастор сказал, что люди оставляли вещи возле ограждения и дальше, на дороге к старой весовой. Собрали то, что мешало проходу. В полиции обещали позднее составить список.

Эстер увидела коричневую сумку с оторванным уголком кармана. Возможно, такую вчера искал человек в полосатой рубашке. Она не подошла тогда достаточно близко, чтобы запомнить точнее.

Миссис Беннетт вытащила кепку.

— Нет, — сказала она.

Повернула её внутри швом наружу, проверила ещё раз и положила обратно. Взяла ключи, посмотрела на кольцо. Остановилась над ремнём, но трогать не стала.

На дне коробки лежали наручные часы. Дешёвый металлический браслет был растянут так, что между звеньями застряла сухая травинка. Миссис Беннетт вынула часы и накрыла циферблат большим пальцем.

— Эти его.

Мерсер спросил, уверена ли она.

Женщина перевернула часы. На крышке был ряд мелких царапин, а возле края — выдавленные буквы. Она поднесла их к лицу Эстер, словно девочке было легче разглядеть.

«Л. Б.» — прочла Эстер.

— Льюис Беннетт, — сказала женщина. — Ему на работе подарили. Двадцать лет назад.

Она нажала на застёжку, закрыла её и опять раскрыла. Пружинка щёлкнула дважды. Часы продолжали идти.

— Где их нашли?

Скай посмотрел на пакеты в багажнике.

— Мне не сказали отдельно. Вещи собирали двое. Я могу узнать.

— Мне надо знать место.

— Я понимаю.

— Не просто дорогу. Место.

Эстер подняла глаза на пастора. Он тоже смотрел на часы.

— Узнаю, — повторил он.

Миссис Беннетт отстегнула своё ожерелье. На цепочке висел маленький медальон. Она просунула цепочку сквозь раскрытый браслет часов, застегнула всё вместе и надела обратно. Циферблат лёг на блузку, тяжело оттянув ткань у ворота.

— Остальное пусть лежит здесь, — сказала она. — Если будет его кепка, я приду.

Когда женщина ушла, Скай не сразу закрыл багажник. Эстер положила в коробку очечник, съехавший на край.

— Они ведь не все вошли, — сказала она. — Те, чьи вещи здесь.

— Не знаю.

— Кто-то мог потерять ключи.

— Мог.

Он ответил без утешения, и ей стало немного легче. Можно было сказать следующее, не ожидая, что он сразу объяснит всё светом.

— А полиция не может посмотреть с другой стороны?

Пастор потянул рукав на запястье.

— Подъездов к карьеру несколько. Проверяли. Про остальное я не стану говорить, потому что не знаю, что правда. У них пропадала связь рядом со светом. И люди лезут под колёса, если перекрывают дорогу.

— Но должен же быть кто-нибудь, кто вошёл и вернулся.

— Должен?

Вопрос был тихий. Эстер посмотрела ему в лицо. Мерсер не спорил с ней; он спрашивал так, будто и сам хотел получить ответ.

— Чтобы сказать, куда он попал, — пояснила она.

— Да. Хорошо бы такой человек нашёлся.

Он закрыл крышку и пошёл к цистерне. Эстер осталась возле машины. На стекле виднелась пыльная дуга от дворника. Чужие вещи теперь были спрятаны, но она помнила, как они лежали: ключи среди ремней, одна дужка очков без очков, наручные часы, которые ничего не знали о своём владельце и продолжали отмерять время.

В очереди рядом спорили о выдаче. Мужчина требовал порцию за брата, не пришедшего с ним. Дора просила карточку его дома.

— У него нет теперь дома, — говорил мужчина. — Он уже там. Я за собакой смотрю.

Дора держала карандаш над списком.

— За животными тоже надо ухаживать. Но вы принесите его карточку.

— Где я вам её возьму?

— В доме. Если вы туда ходите кормить собаку.

Мужчина отступил от стола, ругаясь себе под нос. Очередь сомкнулась за ним. Эстер подумала, что у брата могла остаться целая канистра в кухне. Карточка могла лежать в кошельке, а кошелёк — в одной из коробок. Нельзя было узнать, пока кто-нибудь не откроет дом.

Внутри часовни на длинной скамье сидел Ной. На его коленях лежал пакет с сухарями; он выбирал самые мелкие и перекладывал в бумажный стаканчик. Рядом была сумка с лекарствами.

— Для бабушки? — спросила Эстер.

Он поднял голову и кивнул.

— Мама повезла её в соседний округ. Там у тёти генератор. Пока.

— Ты не поехал?

— Сначала надо здесь закончить. Потом меня заберут. Может быть.

Он произнёс последние слова как обычное уточнение, но продолжал крошить сухари, даже когда стаканчик уже наполнился.

— Запись есть? — спросила она вполголоса.

Ной похлопал по карману.

— Да. И отдельно скопировал. С чего ты вдруг?

Эстер хотела сказать, что отец забрал телефон. Но это потребовало бы объяснений, а у дальней стены разговаривали две женщины. Одну она знала: та приходила к Сайласу за советом ещё зимой.

— Просто проверяю.

Ной перестал крошить сухари.

— Эстер.

Она вытащила фотографию и протянула ему. Он посмотрел, повернул снимок к свету из двери.

— Водитель.

— Льюис Беннетт. Его жена здесь.

— Знаю. Она вчера звонила отсюда в больницы.

— Нашли его часы. У карьера, или на дороге к нему. Точно не сказали.

Ной вернул фотографию.

— Многие снимают всё перед тем, как идти. Я видел ролик. Там женщина объясняла, что нельзя нести с собой земное.

— Одежду ведь несут.

— Не знаю, Эс. Я говорю, что видел.

Он отвёл глаза, и она пожалела, что сказала это таким тоном. Ной не придумывал правил. Он тоже пытался разобраться, но дома у него была бабушка, которой без машины не хватало воздуха. Требовать от него того же недоверия, что возникало у неё, было нечестно.

— Прости, — сказала она.

Он пожал плечами.

— Мисс Белл будет после обеда. Я обещал помочь. Если ещё буду здесь.

— Я тоже хочу.

— Ты ей скажи. Она одна стеллаж не сдвинет.

Эстер убрала снимок. Из дверей позвали Ноя, и он встал, сунув пакет и стаканчик в сумку. На скамье осталось несколько крошек. Она собрала их ладонью и отнесла к мусорной корзине.

Выдача началась. Сайлас поставил Эстер у прохода, чтобы она не давала людям оставлять пустые ёмкости под ногами. Первые полчаса работа состояла почти целиком из извинений. Потом она стала просто показывать рукой, куда поставить канистру, и люди слушались. К ней обращались «девочка», «милая», одна женщина назвала её сестрой. Эстер помогла мужчине развязать петлю на ручке пластиковой бутылки. Узел затянули так крепко, что пришлось поддеть его ключом.

К полудню пришла миссис Беннетт. Фотографии и чемоданчик она унесла, но часы всё ещё висели на груди. Дора без вопросов отметила карточку, подала её дальше, и Сайлас наполнил принесённую канистру.

— Давайте помогу донести, — сказал он.

Женщина согласилась. Они прошли мимо Эстер к стоянке. Девочка услышала, как отец спросил, удалось ли узнать что-нибудь о муже.

— Его часы нашли, — ответила миссис Беннетт.

— Значит, он освободился от того, что держало.

Она остановилась. Сайлас тоже остановился, вода покачнулась у стенок канистры.

— Он никогда их не снимал, — сказала женщина. — Даже спал с ними.

— Теперь они ему не нужны.

Миссис Беннетт протянула руку к канистре.

— Я сама дальше.

Отец на мгновение удержал ручку, потом отпустил. Женщина подняла тяжесть двумя руками и пошла между машинами. Эстер проводила её взглядом, стараясь не выдать, что слышала.

Когда Сайлас вернулся, она спросила о школе.

— Мисс Белл сегодня убирает лабораторию. Ей нужно помочь.

— Зачем?

— Чтобы вещи не пропали. Завтра забирают шкафы.

Он потянул ворот рубашки. На груди под тканью обозначился прямоугольник её телефона.

— Кто тебе сказал?

— Ной. Он помогал вчера.

Сайлас посмотрел в сторону часовни.

— Ты много с ним разговариваешь.

— Он учится со мной.

— Я знаю, кто он.

Ему снова подали канистру, и разговор прервался. Эстер ждала, пока отец вытащит шланг и передаст наполненную ёмкость. Он уже повернулся к следующему человеку, но она не ушла.

— Я могу сходить? Школа близко.

— После того, что мы видели, тебя всё ещё занимают школьные шкафы?

Она посмотрела на насос. Его корпус дрожал, гайка на соединении блестела от влаги.

— Кто-то должен их вынести.

Сайлас вытер руку о брюки. Эстер поняла, что он ищет в её ответе насмешку.

— Правильно, — сказал Мерсер у неё за спиной. — Я обещал заехать туда на обратном пути. В школе ещё вещи для убежища. Одежда из спортзала и аптечки. Нужно проверить, что не разобрали.

Отец повернулся к нему.

— Эстер может помочь мисс Белл, — продолжил пастор. — А я потом подвезу её. Всё равно мимо вашей дороги.

Сайлас посмотрел на дочь. Она стояла неподвижно, хотя от жары хотелось переступить с ноги на ногу.

— К вечеру дома, — сказал он. — До ужина.

— Буду.

— И никаких прогулок.

Мерсер кивнул, словно условие относилось и к нему. Эстер взяла сумку. Одна пустая бутылка смялась между пальцами; она ослабила хватку, чтобы не хрустела.

До школы нужно было пройти четыре квартала. Она шла по теневой стороне, где тень была, и ни разу не оглянулась. У закрытого магазина кормов на стекле висела записка: «Ключ у Джанет». В витрине стояли два мешка, один открытый. Возле них на полу валялся маленький красный совок. Дальше мужчина выносил из дома табурет и ставил его на тротуар рядом с телевизором. Он возвращался внутрь, не замечая Эстер. Нельзя было понять, собирался ли он уезжать, раздавать имущество или просто делать то, чего больше никто не мог потребовать от него.

У школьного входа лежала стопка досок. На верхней мелом написали «НЕ БРАТЬ». Дверь была приоткрыта. Изнутри донёсся глухой удар, затем ещё один, и голос мисс Белл:

— Если кто-нибудь там есть, поддержите, пожалуйста.

Эстер оставила сумку возле стены и вошла. Учительница пыталась протащить через двойную дверь тележку, на которой лежали картонные коробки. Одно колесо застряло в щели между плитами. Эстер подхватила ручку с другой стороны; они вместе потянули, и тележка с шумом перескочила порог.

— Спасибо, — сказала Белл. — Я уж думала, придётся разгружать.

На ней была старая футболка с выцветшей схемой солнечной системы. Волосы она собрала на затылке карандашом. Увидев лицо Эстер, учительница сняла очки.

— Пришла всё-таки.

— Я ненадолго. Пастор потом заберёт.

— Хорошо. Начнём с того, что можно поднять вдвоём.

В школьном коридоре было прохладнее, чем снаружи. Здесь пахло пылью и средством для пола, хотя пол давно не мыли. На стене оставалось расписание последних экзаменов. Эстер нашла глазами свою фамилию в списке и отвернулась.

Белл повела её к лаборатории. Возле двери стояло ведро с треснувшим дном. Внутри сложили вещи, которые решили выбросить: провода, губку, пустые пластиковые кассеты. Эстер заметила стеклянную палочку и подумала, что та могла ещё кому-нибудь понадобиться.

Учительница повернула ключ.

— Только не ставь коробки под окно, — сказала она. — Там нагреваются.

Эстер кивнула. Она уже хотела спросить про свет, про исчезнувших, про часы. Но Белл придерживала для неё дверь, а в комнате стояли обычные столы, стулья, штативы. Не нужно было сначала произносить правильные слова, чтобы её впустили.

Она подняла сумку и почувствовала, как фотография Беннетта упирается углом в бок.

— Мисс Белл, — сказала Эстер. — Можно я потом кое-что спрошу?

— Конечно.

Учительница не спросила, верит ли она.

Багровый Столп

Глава 6

Старая лаборатория

Со стен сняли таблицы, и под ними остались светлые прямоугольники. Эстер остановилась возле того места, где раньше висела схема человеческого сердца. В сентябре она перепутала на ней две стрелки и получила работу обратно с пометкой: «Посмотри, куда течёт кровь». Теперь не было ни стрелок, ни сердца. Только четыре дырки от кнопок.

Белл закатила тележку к столу.

— Отсюда всё в маленькую комнату, — сказала она. — Потом разберём.

Они перенесли коробки. Эстер взяла ту, что была легче; внутри тихо звякало стекло. Учительница придерживала дно второй обеими руками. На картоне сохранилась надпись чьим-то крупным почерком: «Осень». Под ней другой рукой дописали: «Ломается».

В маленькой комнате пахло иначе — старой бумагой и железом. На полках стояли пустые банки, деревянные ящики с приборами, стопки тетрадей. Возле единственного окна лежал разобранный вентилятор. Белл освободила для коробок место, переложив вентилятор на пол.

— Ещё вот эти, — сказала она и указала на стеллаж в лаборатории. — Только верх не трогай. Я сама сниму.

Они работали несколько минут молча. Эстер почти радовалась тому, что приходится двигаться. Берёшь банку, ставишь в коробку, берёшь следующую. Результат видно сразу: полка становится пустой. Здесь можно было закончить хотя бы одно дело.

Белл сняла со стеллажа прозрачную модель лёгких. Одна трубка внутри отвалилась и лежала на дне футляра.

— Держи, пожалуйста.

Эстер взяла модель. Пластик был нагрет, лёгок; оба лёгких казались меньше, чем должны были быть. Она подумала о бабушке Ноя и о маленькой машине, которая ещё вчера помогала ей дышать.

— Он придёт? — спросила Белл.

— Не знаю. Его могут забрать к тёте.

— Хорошо бы забрали.

Эстер поставила модель на стол. Учительница забралась на низкую стремянку и принялась складывать верхние коробки.

— Можно теперь спросить?

Белл спустилась на одну ступеньку.

— Спрашивай.

— Что это за свет?

Учительница посмотрела на окно. Оно выходило в школьный двор, и столпа отсюда не было видно.

— Я не знаю.

— Совсем?

— Совсем, Эстер.

Девочка подождала. Обычно после этих слов взрослые всё-таки давали ответ: называли чьё-нибудь мнение, сообщали, что по телевизору объяснили, или говорили, кому следует доверять. Белл протянула ей ещё одну коробку и слезла со стремянки.

— Ты его видела близко?

— Вчера. Мы ездили с отцом и мамой.

— Насколько близко?

Эстер показала от стены до стола, потом поняла, что расстояние было другим.

— Дальше. Отсюда до лестницы в коридоре. Может, больше.

— И что видела?

Она рассказала о старике, женщине, которая отпустила его руку, о молодом человеке с рюкзаком. О том, что тела были видны, потом переставали быть видны. Сказала про часы Льюиса Беннетта и достала фотографию. Учительница вытерла ладони о брюки, прежде чем взять её.

— А ты как думаешь? — спросила Белл.

Эстер втянула воздух. Она могла бы ответить сразу, если бы вопрос задал отец. Для него у неё уже были готовые слова, которые не означали ничего. Здесь приходилось выбирать другие.

— Что они могут не вернуться.

Белл посмотрела на снимок и отдала его.

— Могут.

— Вы не скажете, что я не должна так думать?

— За мысль я тебе замечание не поставлю.

Учительница попыталась улыбнуться, но улыбка вышла усталой.

— Другое дело, если ты скажешь, что знаешь. Тогда я спрошу откуда.

— Они исчезли.

— Из твоего поля зрения.

Эстер опустила фотографию.

— Вы тоже мне не верите.

Белл придвинула к себе стул, села.

— Верю, что ты видела это. Ты рассказываешь очень точно. Но что произошло внутри, ты не видела. Я тоже. Мы не можем заполнить это место первым объяснением, которое нас устраивает.

— А всех устраивает, что их спасли.

— Меня пока не устраивает.

В коридоре хлопнула дверь. Эстер резко обернулась. Белл замолчала, дождалась, пока где-то снаружи стихнут шаги.

— Ты можешь сесть, — сказала она.

Девочка осталась стоять.

— Он говорит как в Библии.

— Голос?

— Да. Но иногда неправильно. Как будто начало знает, а дальше сам добавляет. Отец говорит, что ему виднее.

Белл задумалась.

— Ты записала, что он говорит?

— Записала на телефон. У Ноя есть копия.

— Тогда пусть сохранит. Не обрезает и не пересылает вместо исходного файла короткие куски.

— Он уже сохранил.

— Хорошо.

За окном кто-то катил мусорный контейнер. Одно колесо скрипело на каждом обороте. Эстер ждала, что учительница скажет, где можно узнать правду: назовёт университет, лабораторию в большом городе, человека, которому стоит позвонить. Но Белл только поправила очки.

— У вас ведь есть знакомые учёные?

— Есть люди, с которыми мы работали на школьных программах. Одному я написала вчера. Он не ответил.

— А ещё кому-нибудь?

— Напишу. Когда смогу зарядить компьютер.

Эстер посмотрела на розетку возле стола. К ней всё ещё был подключён провод, свёрнутый под ножкой. В кабинете не слышалось ни гудения ламп, ни работы вытяжки. Она успела забыть этот шум. Когда они проводили здесь целые дни, он раздражал; теперь его отсутствие делало комнату пустой, хотя столы ещё стояли на местах.

— Наверно, все сейчас спрашивают одно и то же, — сказала Белл.

— Значит, кто-то ответит.

— Надеюсь.

Учительница встала и потянула к себе последнюю коробку. Эстер помогла ей сложить внутрь пустые лотки. В одном на дне лежали семена фасоли, засохшие после опыта. Она подняла семечко, перекатила между пальцами. Оно было сморщено, но похоже на то, что мать перебирала сейчас дома.

— Эти выбросить?

— Да. Только коробку оставь.

В большой лаборатории освободились две полки. Белл проверила список на планшете, перечеркнула строку. Эстер заметила, что рядом с некоторыми названиями были вопросительные знаки.

— А это куда увезут?

— Часть оборудования в окружную школу. Шкафы на склад. Если машина придёт.

— Нам больше не понадобится?

— Сейчас здесь готовят место для людей. Учиться будем потом.

Учительница произнесла последнее слово и задержала на нём дыхание. Эстер не стала спрашивать, будет ли это «потом». Подобные вопросы сегодня каждый решал за остальных.

Внизу, за дверцей с облезлой краской, стоял деревянный ящик. Он был тяжелее, чем казался. Эстер подтащила его к краю полки и прочла на крышке номер, написанный белой краской.

— Это тоже в коробки?

Белл наклонилась.

— Старый микроскоп. Нет, этот остаётся со мной.

Она взяла ящик и отнесла в маленькую комнату. Эстер пошла следом.

— Он работает?

— Должен. Раньше держали для младших, чтобы не занимать новые.

Учительница откинула две застёжки. Внутри ящик был обит выцветшей зелёной тканью. Микроскоп стоял в гнезде из дерева; на чёрной металлической ножке виднелись потёртости. Под столиком висело круглое зеркало. Эстер помнила современные приборы из класса, с проводами и маленькими лампами. Этот был похож на вещь из шкафа её деда, которую никто не выбросил, потому что не знал, кому она принадлежит.

Белл поставила его у окна.

— Ему не нужна розетка, — сказала она.

Эстер придвинулась. От зеркала на её ладонь попало белое пятно. Учительница повернула его, и пятно исчезло, свет ушёл в отверстие столика.

— Здесь раньше смотрели всё подряд. Луковицу, волосы, бумагу.

— Можно посмотреть сейчас?

Белл взглянула на часы.

— Можно. Только сначала сдвинем шкаф.

Они разобрали нижнюю полку, сняли тяжёлые двери и поставили их вдоль стены. Пустой шкаф всё равно не поддавался. Пришлось подложить под ножки старые папки, затем тянуть по очереди: одну сторону, другую. Под ним обнаружилось несколько колпачков от ручек и треугольник белого пластика. Всё было покрыто серой пылью.

Эстер присела, чтобы собрать мусор. Пыль поднялась и защекотала нос. Она отвернулась, чихнула в рукав.

— Вот и материал, — сказала Белл. — Только руками не хватай.

Она достала из коробки маленькую кисть и стекло. Эстер сначала не поняла, что речь о микроскопе. Учительница смахнула на стекло несколько крупинок с края папки, унесла их к окну.

— Посмотрим сухую пыль. Для начала хватит.

Девочка подошла к столику. Белл показала, за что можно держать прибор, как закрепить стекло и куда повернуть зеркало. Настроила его сама, потом уступила место.

— Не дави на окуляр. И второй глаз попробуй не зажмуривать.

Эстер наклонилась.

Сначала она увидела только мутное светлое пятно. Потом, когда учительница осторожно повернула винт, в нём возникла тёмная нить. Неровная, с мелкими ответвлениями по краям. Рядом лежали угловатые кусочки и что-то почти прозрачное, похожее на свернувшийся лист.

Эстер отстранилась и посмотрела на стекло. На нём едва можно было различить пыль.

— Это всё оттуда?

— Оттуда.

Она снова наклонилась. Нить пересекала светлый круг; её конец уходил за край. Казалось, что нужно только немного повернуть голову, чтобы увидеть дальше.

— Что это?

— Возможно, волокно ткани. Или бумаги.

— А белое?

Белл посмотрела в окуляр.

— Не возьмусь сказать.

Эстер удивилась. Учительница сидела рядом с прибором, который показывал даже то, чего не замечал обычный глаз, и всё равно не знала ответа.

Белл заметила её выражение.

— Микроскоп увеличивает. Он не подписывает то, что ты видишь.

— Но можно узнать?

— Иногда. Если есть с чем сравнить. И если это вообще можно различить здесь.

Она достала второе стекло, оторвала крошечный кусочек от края бумажного конверта и разделила его кисточкой. Положила тонкие волокна на стекло, сменила препарат. Под зеркалом опять прошло пятно света.

Теперь в круге было много нитей. Они переплетались, лежали друг поверх друга, а там, где бумага оказалась толще, становились почти чёрными. Эстер рассматривала их долго. Конверт лежал рядом с её локтем: белый, обычный, с надорванным краем.

— Похожи, — сказала она.

— Да. Но пыль всё равно могла прийти от другой вещи.

Эстер перевела взгляд на свои пальцы. Белл протянула ей кисть.

— Когда переносишь образец, следы, что ещё на него попало. И сначала посмотри чистое стекло. Иначе потом будешь изучать грязь, которая уже была на нём.

Девочка взяла кисть. Ей хотелось сразу принести ещё что-нибудь: сухой лист из двора, край своей рубашки, крупинку земли. В детстве она пыталась рассматривать насекомых через увеличительное стекло, пока отец не позвал её с грядки. Здесь никто не звал. Под ногтем оставалась пыль из-под шкафа, но брать её учительница не разрешила: туда могло попасть слишком много всего.

Они посмотрели другое стекло без образца. Эстер нашла на нём маленький круг, потом второй.

— Уже грязное?

Белл проверила.

— Следы. Отложим.

В коробочке лежали разные стёкла: с помутневшими краями, совсем чистые, одно со сколом. Учительница отделила несколько пригодных, положила в бумажный конверт и написала карандашом. Эстер тоже захотелось что-нибудь подписать. Впервые за эти дни запись могла относиться к вещи, которая оставалась перед ней.

— Можно записать, что мы видели?

— Конечно. Бумага вон там.

Эстер взяла лист со стопки. На обороте был чей-то недоделанный тест, сверху — клетка для фамилии. Она перевернула его чистой стороной и написала дату без числа: «Воскресенье». Под ней: «Пыль из-под шкафа в лаборатории. Волокна, угловатые крупинки. Что это точно — неизвестно».

Белл прочла через её плечо.

— Добавь, на каком приборе смотрели.

Эстер переписала номер с ящика. Рука перестала дрожать, хотя от усталости ещё болело запястье. Она сделала два рисунка: нить с неровным краем и переплетение волокон бумаги. Получилось плохо. Пришлось зачеркнуть толстую линию, которой она обозначила круг света: её можно было принять за часть образца.

Когда Эстер подняла голову, Белл сидела у окна и смотрела во двор. На её лице не было обычного оживления после опыта.

— Вы останетесь здесь?

Учительница кивнула.

— Пока в учительской. Дом на верхнем конце города, там сейчас не легче. Здесь хотя бы есть люди и привозят воду.

— А в эту комнату потом можно будет прийти?

— Если школа останется открытой. Мне ещё разбирать эти коробки. Постучишь, я услышу.

Снаружи раздался короткий автомобильный сигнал. Белл встала, убрала стёкла, накинула ткань на микроскоп. Эстер сложила свой лист вчетверо и положила в сумку рядом с фотографией.

Мерсер ждал у бокового входа. Он уже нашёл человека, заведовавшего школьными запасами, и тот открыл спортивную кладовую. Пастор показывал на пачки одеял, сложенные у стены.

— Четыре пока возьму, — сказал он. — Остальные здесь нужны будут.

Они загрузили одеяла в машину, затем аптечки. Белл проверила одну, убрала из неё раскрошившуюся упаковку и перевязала крышку шнуром, потому что защёлка не держала.

— Ты завтра будешь? — спросила она Эстер.

Девочка посмотрела на пастора.

— Не знаю.

— Тогда как получится.

Белл ничего не дала ей на дом. Микроскоп остался у маленького окна, конверт с чистыми стёклами — возле него. Эстер запомнила место. Когда школа была школой, ей и в голову не приходило запоминать, где лежит вещь, которую никто не собирался убирать.

На обратном пути Мерсер не включал радио. На заднем сиденье тихо позвякивала аптечка. Он спросил, не нужно ли заехать куда-нибудь ещё, и Эстер ответила, что обещала домой.

Мимо пронеслась машина, полная людей. На стекле сзади приклеили белый лист. Эстер успела прочесть только первое слово: «Идём».

— Вы узнали про часы? — спросила она.

Пастор отрицательно покачал головой.

— Пока не дозвонился.

Она кивнула. Ему тоже приходилось отвечать людям, не имея того, что они хотели услышать. Разница была в том, что теперь Эстер могла представить человека, который скажет «не знаю» и останется рядом.

У фермы Сайлас стоял возле крыльца. Он вышел, как только машина повернула на подъездную дорожку, хотя до ужина было ещё время. Мерсер рассказал про одеяла, поблагодарил за помощь. Отец кивнул, дождался, пока пастор отъедет.

— Долго разбирали?

— Несколько коробок. И шкаф сдвинули.

— О чём говорили?

Эстер поправила сумку на плече.

— О школе. И о свете.

Сайлас посмотрел на неё внимательнее.

— Она что говорит?

— Что не знает, что это.

Он коротко усмехнулся.

— Они всегда сначала не знают. Потом расскажут, что всё объяснили.

Эстер прошла мимо него. На кухне Руфь раскладывала чашки. В доме было жарче, чем в лаборатории; воздух почти не двигался. На столе лежала отцовская Библия, раскрытая ближе к концу. Рядом — лист с несколькими именами.

Мать взглянула на сумку.

— Поела там?

— Нет.

— Скоро будем.

Она сказала это тихо и повернулась к плите. Эстер поднялась в свою комнату, достала тетрадь из атласа. Лист с рисунками положила между страницами. Сначала записала про часы и подчеркнула: «Где нашли точно — неизвестно». Потом добавила слова Белл о том, что сама видела, а что только решила.

Рядом с записью о молодом человеке с рюкзаком появился вопросительный знак. Его исчезновение не стало менее страшным. Но теперь между страхом и словами в тетради оставалось немного места.

Снизу позвал отец.

Эстер убрала атлас, спустилась. За столом уже сидела Руфь. Сайлас стоял у окна с листом в руке. Среди имён Эстер увидела Пайков и ещё несколько знакомых семей.

— Сегодня придут помолиться, — сказал он. — Вместе готовиться легче.

Она посмотрела на часы над дверью. Обычно гости приходили к ним после ужина и уходили, когда начинал клонить сон. Отец заметил её взгляд.

— На время смотреть не будем. Столько, сколько потребуется.

Руфь придвинула к краю стола пустую миску. Эстер положила ладони на колени, чтобы не прятать их в карманы и не выдать сложенный лист, которого там уже не было.

Через открытое окно донёсся голос Пастыря. Сайлас опустил Библию на стол и закрыл глаза.

Эстер свои оставила открытыми.

Багровый Столп

Глава 7

Ночная служба

Руфь успела накормить их до прихода гостей. Эстер ела быстро, стараясь не смотреть на лист с именами возле отцовской тарелки. Когда она потянулась за второй порцией, Сайлас сказал, что хватит. Через несколько минут пришли Пайки.

Аарон принёс складные стулья. Мэй держала под мышкой потрёпанный сборник гимнов, а Кaleb вошёл последним, неся маленький фонарь. Фургон они оставили у дороги: новый ремень нашёлся у человека на другом конце города. Сайлас обнял соседа, помог поставить стулья. Эстер отнесла посуду на кухню.

Следом приехали ещё две семьи. Одна женщина привела мальчика лет десяти, который сразу сел на пол возле дивана и снял сандалии. У него на пятках были такие же красные полосы, как у Эстер. Она подвинула ногой коврик, чтобы ему не пришлось сидеть на голых досках.

Руфь принесла кружки. Воду разлили понемногу, из семейной канистры; часть её отец привёз сегодня, когда Эстер была в школе. Люди благодарили хозяйку, пили и ставили кружки возле своих стульев. Сайлас остановил Мэй, собравшуюся достать печенье из сумки.

— Сегодня без этого, — сказал он мягко. — Попробуем оставить телу только необходимое.

Она убрала пакет. Мальчик посмотрел на сумку, но мать коснулась его головы, и он опять опустил глаза.

Сайлас вынес стол к стене. На освободившееся место поставили стулья полукругом; Эстер достался прямой деревянный стул с короткой спинкой. Отец сел напротив окна. Свет из-за холма проникал через занавески и окрашивал половину его рубашки.

Сперва всё было похоже на прежние домашние молитвы. Читали по очереди. Аарон дважды сбился и начинал предложение снова, Кaleb подсвечивал ему страницу фонарём. Пели гимн, который Эстер знала с детства. В местах, где никто не помнил точных слов, Мэй уверенно вела остальных за собой.

Потом Сайлас отложил Библию.

— Сколько раз мы просили знака, — сказал он. — А теперь боимся принять его.

Мальчик на полу подтянул к себе сандалии. Эстер следила за его пальцами: он выковыривал землю из прорезей подошвы.

— Мы просили избавить нас от жажды. Просили вывести наших детей из этого мира, где им обещают только худшее. Нас услышали. Чего же мы ждём?

— Надо убедиться, — произнесла Мэй.

Аарон посмотрел на жену. Она не отступила.

— Я не говорю, что не верю. Просто страшно. Я вчера ещё в одном месте прочла, что туда идёт всё подряд, а назад ничего.

— А откуда возвращались после вознесения? — спросил Сайлас.

— Я не знаю.

— Значит, мы требуем от Него того, чего никогда не требовали от Бога. Разве это честно?

В комнате стало тихо. Снаружи хлопнула дверца машины, затем кто-то проехал по дороге. Мэй разгладила обложку сборника.

— Наверно, нет, — сказала она.

Сайлас кивнул, принимая ответ, и повернулся к остальным.

— Нам не мешает свет. Нам мешает то, что мы принесли к нему. Старый страх. Старое недоверие. Привычка держаться за вещи, которые у нас всё равно отнимут.

Эстер вспомнила часы на шее миссис Беннетт. Она попробовала представить их в этой комнате. Женщина обязательно села бы возле двери и держала циферблат в ладони, пока отец говорил о ненужных вещах.

— Поэтому сегодня мы останемся здесь, — продолжил Сайлас. — Будем молиться, пока не сумеем отпустить. Я никого не держу. Кто хочет домой — дверь открыта.

Никто не встал. Он посмотрел на каждого, задержался на дочери.

— Только не называйте потом ожиданием то, что было отказом.

Мать мальчика обняла себя за локти. Кaleb откинулся на спинку стула. Руфь сидела рядом с Эстер и тёрла большим пальцем шов на платье.

Они снова начали молиться.

В первый час Эстер ещё могла следить за словами. Аарон просил простить ему гнев на соседей, которые не вернули одолженные деньги. Мэй говорила о сестре в Талсе и плакала, потому что та собиралась идти к своему столпу без неё. Мужчина возле двери благодарил за избавление от сомнений; после него его жена повторила почти то же самое.

Когда очередь дошла до Калеба, он сказал, что хочет понять, куда ушли люди.

Сайлас попросил его говорить с Пастырем, а не о Нём.

Кaleb посмотрел на отца. Аарон слегка наклонил голову.

— Помоги мне понять, — исправился молодой человек.

— И принять, — добавил Сайлас.

Фонарь лежал у Калеба на колене. Он провёл пальцем по кнопке, не нажимая.

— И принять, — сказал он.

Эстер захотелось, чтобы её очередь не наступила. Но отец уже смотрел на неё.

Она произнесла обычную молитву, которую учила маленькой. Голос был ровным; от этого стало ещё страшнее. Ничто в её словах не выдавало того, что происходило внутри.

— О чём просишь? — спросил Сайлас, когда она закончила.

— Чтобы нас сохранили.

— От чего?

Она посмотрела на мальчика. Он перестал ковырять сандалию и слушал.

— От смерти.

Мэй вздохнула. Кто-то тихо сказал «аминь». Сайлас не поддержал.

— Это нам уже обещано. Проси о готовности принять обещанное.

Эстер наклонила голову. Повторила то, что он хотел, и круг пошёл дальше.

Часы над дверью отсчитывали минуты. Мальчик уснул, привалившись к матери; она подняла его с пола, уложила поперёк дивана. Пение стало тише. Иногда кто-нибудь вставал, чтобы размять ноги, подходил к окну. Никто не уходил.

Воздух в комнате нагревался. От свечи у Библии пахло воском, от людей — потом и одеждой, которую слишком редко стирали. Эстер сняла ладони с коленей: кожа под ними стала влажной. Она пересела чуть ближе к краю стула.

Руфь наклонилась к ней.

— Потерпи, — шепнула она.

Эстер не знала, что именно нужно терпеть. Ночью иногда хотелось уснуть даже на собственном дне рождения, если гости задерживались. Сейчас она могла просто встать и уйти наверх. Дверь ведь была открыта. Отец сам сказал.

Она попробовала представить, как делает это. Дошла в мыслях до лестницы и остановилась.

Около полуночи заговорил Пастырь.

Сайлас поднял ладонь, хотя никто уже не произносил ни слова. Все повернулись к окну. Мальчик проснулся и приподнялся на диване; мать придержала его за плечо.

Голос наполнил комнату так, словно занавески и стекло не стояли на его пути. Он был спокойным, знакомым. Эстер почувствовала, как у неё сжалось горло. После стольких человеческих голосов этот не казался усталым.

— Вода — дар Божий, — произнёс Пастырь. — Не ропщите на засуху, ибо она — испытание вашей веры. И только прошедшие испытание обретут истинное спасение.

Эстер ждала продолжения. Отец закрыл глаза. Мэй прижала сборник к груди.

— Придите ко Мне, уставшие. Приведите жаждущих. Я дам вам покой.

Последнее слово прозвучало и исчезло. Через несколько секунд вернулся скрип сверчка у крыльца. Пока Пастырь говорил, Эстер его не слышала.

Аарон заплакал. Он сидел неподвижно, закрыв лицо одной рукой; другая лежала на колене, сжатая в кулак. Мэй положила ладонь ему на спину. Кaleb отвернулся к стене.

— Мы услышаны, — сказал Сайлас.

Он дождался, пока сосед вытрет глаза, и предложил опуститься на колени.

Эстер помогла отодвинуть стулья. Пол в середине комнаты был чистым, без коврика. Руфь сложила перед собой носовой платок и села на пятки. Другие устраивались кто как. Кaleb подложил под колено свою куртку.

Через несколько минут у Эстер начали болеть ноги. Она сместила вес на одну сторону, потом на другую. Доска под правым коленом была неровной, и от неё осталось ощущение маленького твёрдого края даже там, где пол был гладким.

Отец читал. Кто-то отвечал. Она пыталась угадать, когда все решат, что достаточно, но теперь никто не смотрел на часы.

Мальчик попросился домой. Его мать сказала, что скоро. Сайлас обернулся к ним.

— Детей можно уложить в соседней комнате.

— Он только рядом со мной спит.

— Тогда останьтесь с ним. Мы помолимся и за вас.

Женщина увела сына. Эстер проводила их взглядом. Мать закрыла дверь не до конца; в щели осталась полоска темноты. Девочка подумала о своей кровати этажом выше и перестала слышать начало следующего чтения.

Её имя произнесли дважды.

Она подняла голову.

— С нами? — спросил Сайлас.

Эстер кивнула.

— Отвечай.

Она не знала, на что. Мэй подсказала первые слова. Эстер повторила, и чтение продолжилось.

Позже отец поднялся и принёс воду. Гости уже выпили принесённую в начале, их кружки стояли пустые у стены. Он налил ещё понемногу. Передавал чашку каждому, и человек благодарил, принимал двумя руками.

Эстер протянула свою. Сайлас не взял.

— Сначала вернись к молитве, — сказал он вполголоса.

Она держала кружку на ладони.

— Я молюсь.

— Когда не спишь.

Руфь подняла на мужа глаза. Он поставил кувшин на стол, возвращая разговор к остальным. Эстер опустила кружку на пол возле стула. Дно стукнуло громче, чем ей хотелось.

Калёб повернул голову, но ничего не сказал.

В следующем круге она отвечала вовремя. Следила за началом каждого предложения, не позволяя словам рассыпаться в шум. Потом встали петь. Когда Эстер поднялась, ноги подогнулись, и она ухватилась за спинку стула. Мэй подумала, что у неё затекли колени, предложила немного походить.

Отец не возразил. Девочка сделала несколько шагов по комнате, вернулась. Теперь казалось, что все стоят слишком далеко и поют в другом конце дома. Она смотрела на рот матери и начинала вместе с ней.

Кружка так и осталась пустой.

Перед рассветом гости начали расходиться. Первой вышла женщина с мальчиком. Она извинялась перед Сайласом, словно у неё не было другого основания уйти. Он поблагодарил её за веру и попросил возвращаться.

Мэй долго искала сумку. Она стояла у её стула, но женщина трижды проходила мимо. Калёб поднял сумку, отдал матери и вынес складные стулья. Аарон остался поговорить с отцом на крыльце.

Эстер слышала их через открытую дверь.

— Завтра снова? — спросил сосед.

— Сегодня. После заката.

Аарон помолчал.

— Хорошо.

Потом завёлся фургон, шум на дороге стих. Дом сразу стал больше. В углах лежали вещи, сдвинутые ради гостей; пустые стулья стояли посреди комнаты, и никто не собирался расставлять их обратно.

Руфь собрала чашки. Сайлас взял у неё одну, налил до половины и протянул дочери.

Эстер выпила стоя. Это была самая вкусная вода за всю её жизнь, и она постаралась не думать о том, как скоро захочет ещё.

— Теперь немного отдохнём, — сказал отец.

Она поднялась по лестнице, держась за перила. В комнате на столе лежал учебник. Эстер не помнила, когда открыла его. Фотография водителя осталась в сумке, тетрадь — в атласе. Она проверила только сумку, накрыла её рубашкой и легла поверх одеяла.

Проснулась от руки на плече.

За окном был белый свет. Сайлас стоял возле кровати, уже одетый. На нём была другая рубашка, без нагрудного кармана; телефон Эстер нигде не было видно.

— Вставай.

— Который час?

— Пора.

Она села и несколько секунд не могла вспомнить день недели. Потом поняла: понедельник. Сегодня в школе должны были вывозить шкафы.

— Мне надо помочь мисс Белл.

— Сегодня останешься дома.

— Я обещала.

— Ты сказала, что не знаешь, сможешь ли. Скай передал.

Отец отступил от кровати, освобождая место, чтобы она встала.

Эстер спустилась на кухню. Руфь сидела возле стола, положив ладони на колени. Перед ней было немного хлеба и две кружки. Третьей не было.

— Мы начнём пост, — сказал Сайлас. — У каждого он свой. Никто не отказывается от того, чего у него и так нет.

Эстер посмотрела на хлеб.

— Ты вчера ещё не была с нами, — продолжил он. — Была в комнате, но где-то далеко. Сегодня попробуем без того, что отвлекает.

— Еда отвлекает?

Руфь едва заметно качнула головой. Эстер успела увидеть, но поздно: отец уже услышал вопрос.

— Твоё желание насытиться раньше, чем открыться.

— Я просто хотела пить.

— Всем хотелось.

Он взял кружку, сделал глоток. Эстер смотрела на его горло.

Отец убрал хлеб в шкаф и отправил её в гостиную. Там всё ещё пахло свечой. Он поставил перед дочерью стул, на сиденье положил Библию, раскрыл нужную страницу. Эстер опустилась на колени. Места, на которых стояла ночью, заболели сразу.

Сайлас велел читать вслух. Когда она дошла до конца страницы, попросил начать снова. Он слушал с другого стула, иногда поправлял слово. Руфь ходила между кухней и двором; шаги были слышны, но сама она почти не появлялась.

Через окно Эстер видела край поля. Ветер ворочал сухой лист у крыльца, прижимал его к ступеньке и отпускал. Она следила за ним между строк, пока отец не попросил поднять глаза от окна.

К полудню он ушёл за водой. Перед этим сказал Руфи, что дочь должна продолжать. Эстер дождалась звука двигателя, затем села на пол, вытянув ноги.

Мать вошла в гостиную.

— Он сказал читать.

— Я могу читать сидя.

Руфь посмотрела на дверь, хотя Сайлас уже уехал.

— Не надо с ним спорить.

— Я сейчас не с ним спорю.

Мать сжала руки. Эстер хотела немедленно вернуть слова назад, но не смогла. В горле было сухо, во рту появился неприятный привкус. От произнесённого громко стало больно.

— Принеси воды, — попросила она.

Руфь смотрела на дочь.

— Немного.

Мать прошла на кухню. Эстер слышала, как сняли крышку канистры, как вода потекла в чашку. Звук был коротким. Потом ложка стукнула о край.

Руфь вернулась и протянула чашку. На дне было два или три глотка.

— Медленно, — сказала она.

Эстер выпила. Мать сразу взяла чашку, унесла. Когда вернулась ещё раз, руки у неё были пусты.

— Я скажу, что тебе тяжело.

— Он знает.

Руфь отвернулась. Эстер подтянула к себе стул с Библией и продолжила читать сидя. Она решила не вставать на колени, пока не услышит машину. Это было почти ничто, но другого решения у неё сейчас не хватало сил принять.

Измученное тело всё время пыталось уснуть. Один раз слова оборвались на середине: она поняла, что читает уже не текст, а предложение из сна. В нём были какие-то двери и ребёнок, стоящий за ними. Эстер провела ладонью по лицу, нашла последнюю строку, которую помнила.

Чуть позже к ферме подъехал пикап.

Она поднялась на колени прежде, чем отец вошёл. Руфь встретила его снаружи. Они говорили негромко, но Эстер различила своё имя. Потом Сайлас появился в дверях с канистрой.

— Продолжаешь?

— Да.

Он послушал несколько строк и отошёл к окну.

— Шкафы так и не забрали, — сказал он. — У водителя нет горючего. Твоя учительница целый день напрасно ждала.

Эстер остановилась.

— Откуда ты знаешь?

— Скай заезжал туда.

— Она там?

— Читай.

Она нашла строку. Но теперь за сухостью во рту, за болью в ногах оставалась одна ясная вещь: лабораторию ещё не вывезли. Белл была там. Это ничего не меняло в гостиной, только помогало не забыть, что за её стенами существует другое место.

Днём отец принёс ей кружку и велел сказать, от чего она готова отказаться. Эстер назвала страх. Сайлас поставил кружку на сиденье стула, рядом с Библией.

— А сама от него держись. Как от права быть лучше остальных.

— Я не лучше.

— Тогда почему всех судишь?

Она не могла понять, какой ответ приведёт к воде. Утром ещё можно было подбирать слова. Теперь отец, казалось, заранее знал, что любой её ответ неверен.

Эстер заплакала. Это произошло неожиданно: глаза намокли, и строки расплылись. Она отвернулась, чтобы не капать на страницы.

Сайлас положил ладонь ей на затылок.

— Вот, — сказал он. — Теперь ближе.

Она ненавидела то, как её слёзы обрадовали его. Но когда он поднёс кружку, взяла и выпила. Не всю — он остановил её раньше, забрал остаток.

К вечеру Эстер разрешили встать. Она помогла матери расставить стулья. Один пришлось нести вдвоём, хотя вчера она передвигала его сама. Руфь не спросила, почему дочь так медленно идёт. Они поставили стул у стены, и мать на секунду прижала ладонь к её руке.

Сайлас открыл дверь для следующей службы.

Пайки ещё не приехали. Первой вошла женщина, которую Эстер плохо знала. Она принесла фотографию своей матери — той было трудно ходить, и дочь хотела, чтобы за неё помогли. Сайлас взял снимок, положил возле свечи. Потом пришёл вчерашний мужчина без жены. Сказал, что она занята дома.

Люди садились, говорили тихо. Эстер стояла возле окна. Отсюда были видны сухое поле и столп за холмом. В дневном свете он бледнел, а теперь снова становился глубоким, багровым, словно весь вечер собирался внутри него.

Она не знала, сколько проспала утром, сколько раз повторила страницу, сколько воды выпила за день. Записать это в тетрадь было бы трудно. Впервые отец сумел сделать её день таким, что она не могла восстановить даже то, что происходило с ней самой.

Сайлас позвал её на место.

Эстер села. Свеча коптила, над огнём поднималась тонкая чёрная нить. Она следила за ней, пока не защипало глаза.

На этот раз отец начал с благодарности за испытание.

Багровый Столп

Глава 8

Дождь без воды

Первый шорох Эстер приняла за шум в ушах. Она сидела, опустив руки между коленями, и смотрела на свечу. Воск стекал на блюдце; возле фитиля образовался чёрный нарост. Сайлас благодарил за то, что им ещё позволено готовиться.

Шорох повторился. На этот раз его услышал мужчина у двери. Поднял голову, взглянул в окно.

Снаружи что-то щёлкнуло по железному козырьку.

— Дождь, — сказала женщина с фотографией матери.

Отец остановился на середине предложения.

Все слушали. Несколько секунд было тихо, потом на крышу снова что-то упало. Эстер невольно раскрыла рот. Она так часто представляла себе этот звук, что сейчас узнала его раньше, чем успела понять, похож ли он на настоящий.

Руфь первой поднялась. Прошла к окну, отодвинула занавеску. За стеклом в красноватой темноте медленно двигались светлые точки.

— Идёт, — сказала мать.

Женщина встала вслед за ней. Мужчина уже открывал дверь. Эстер поднялась слишком быстро, пришлось опереться о спинку стула. Пока она выпрямилась, все вышли на крыльцо.

Сайлас стоял на верхней ступеньке, подняв лицо. Рядом с ним Руфь вытянула ладонь. Эстер не видела на земле мокрых пятен, но сразу решила, что их заслонила тень. Воздух казался прохладнее. Она сделала шаг вперёд.

Волосы у виска задело что-то лёгкое.

Она подставила руку, ожидая холодного прикосновения. Светлая крупинка легла на кожу, осталась. Потом ещё одна. Эстер повернула ладонь. Ни одна не скатилась.

Женщина засмеялась и протянула обе руки в темноту.

— Господи, наконец-то.

Мужчина сбежал вниз, на землю. Он тоже стоял с поднятым лицом. На плечах его тёмной рубашки появлялись белые точки.

Эстер прикоснулась к крупинке. Та распалась под пальцем. На ладони осталась серая полоска.

— Это не дождь, — сказала она.

Никто не ответил. Руфь потёрла ладонь о ладонь. Женщина раскрыла рот и высунула язык, как ребёнок, ловящий первые снежинки.

— Не надо, — сказала Эстер.

Женщина кашлянула. Сплюнула на землю и провела рукой по губам.

Теперь крупинки падали чаще. Они не чертили прямых линий, а кружились, задерживались возле перил и уходили в сторону. Несколько легло на щеку Эстер. Она смахнула их, и пальцы стали пыльными.

Мужчина внизу повернулся к дому.

— Пепел, — сказал он.

Эстер посмотрела на отца. На его волосах тоже было белое. Сайлас опустил лицо, посмотрел на рукав, медленно стряхнул налёт.

Вдалеке на дороге остановилась машина. Открылись дверцы, люди вышли. Кто-то крикнул другое слово — Эстер не разобрала. Голос звучал радостно.

— Горит где-то? — спросила Руфь.

Сайлас осмотрел горизонт. Пожарного зарева нигде не было видно, только столп за холмом. В его свете падающие хлопья вспыхивали розовым, прежде чем опуститься во двор.

— В доме подождём, — сказал отец.

Женщина поднялась по ступенькам, всё ещё кашляя. Мужчина последовал за ней. Руфь задержалась: смотрела на ладонь, словно вода могла появиться позже, когда растает то, что на неё упало.

Эстер коснулась её локтя.

— Мама.

Они вошли. Сайлас закрыл дверь. Мать подала женщине свою кружку; та сделала несколько глотков, перевела дыхание и сказала, что всё хорошо. Но глаза у неё слезились.

В окно продолжало сыпаться. Белые точки прилипали к сетке, некоторые проходили через неё и ложились на подоконник. Эстер подошла и закрыла створку. Сразу стало душнее.

За спиной отец говорил, что не следует делать выводов из первой непонятной вещи. Откуда пришёл пепел, они ещё не знают. Может быть, пожар далеко, может быть, знак.

— Мы ведь приняли за дождь, — сказала женщина.

— Приняли, — согласился Сайлас. — Значит, поспешили.

Эстер смотрела на серые крупинки между рамой и стеклом. Отец всё ещё стоял возле стула, на котором сидел до их выхода. Его Библия была раскрыта. На странице тоже лежала пыль: её внесли на руках или рукаве.

— Пожар бы пахнул, — сказал мужчина.

Сайлас закрыл книгу.

— Далеко не всегда чувствуем. Не станем гадать.

Он предложил продолжить молитву, но женщина уже искала сумку. Сказала, что оставила дома мать с открытыми окнами. Мужчина вызвался довезти её. Они попрощались торопливо. Гостья забрала фотографию со стола, смахнула с неё налёт и спрятала в сумку.

Вскоре у дороги загудел фургон Пайков.

Аарон постучал, хотя обычно входил сразу. Мэй осталась внутри машины, а Калеб подошёл к крыльцу вместе с отцом. На голове у него было сложенное вдвое полотенце; он держал его за два края, закрывая нос и рот. Когда Сайлас открыл дверь, молодой человек отпустил один край.

— Вы окна закрыли?

— Закрыли.

— На дороге будто снег. Я думал, у нас мельница что-нибудь выбросила.

— Мельница не работает, — сказал Аарон.

Он прошёл в дом и остановился посреди комнаты. Стулья оставались пустыми.

— Разошлись?

Сайлас объяснил. Сосед кивнул, но садиться не стал.

— Мэй не хочет здесь оставаться. Сестра опять не отвечает. Телефон то ловит, то нет.

— Вы домой?

— Пока да. Проверим всё. Потом посмотрим.

Сайлас положил ему руку на плечо. Они говорили о воде, о том, не стоит ли накрыть бочки и убрать из дворов бельё. Эстер слушала и смотрела на Калеба. Он остался в дверях; на мокроватом от дыхания полотенце виднелись серые пятна.

— У колодца крышка? — спросил он.

— Есть, — ответила Руфь.

— Лучше проверить.

Отец ушёл с Аароном во двор. Руфь пошла за ними, взяв лампу. Кaleb задержался.

— Тебе нехорошо?

Эстер пожала плечами. От движения поднялась тупая боль в шее.

— Жарко.

Он посмотрел на стол, потом на неё. Она стояла, держась пальцами за спинку стула, хотя давно могла бы сесть.

— Ты ела?

— Вчера.

Кaleb медленно сложил полотенце.

— Почему?

Она не ответила. Ему не пришлось повторять вопрос.

Из двора донёсся голос Сайласа. Кaleb повернул голову, помолчал.

— Мэй на обратном пути зайдёт к Скаю. Скажу ему про пепел.

Эстер отняла руку от стула.

— А про меня?

Он посмотрел ей прямо в лицо.

— И про тебя.

Не дожидаясь, что она скажет, вышел. Эстер осталась в комнате. За стеклом теперь почти ничего не было видно: осадки уплотнились, белое двигалось сплошными полосами. Если стоять чуть дальше от окна, это действительно походило на дождь.

Отец вернулся один. Пайки уехали. Крышка на колодце была закрыта; Сайлас накрыл её сверху ещё куском старого брезента. Попросил Руфь проверить кухонное окно, а дочь отправил убрать кружки.

Эстер взяла две со стола. На дне одной оставалась вода с серыми точками. Она поставила её отдельно, не переливая.

— Это вылить? — спросила она, когда мать вошла.

Руфь посмотрела в кружку. Несколько секунд колебалась.

— Вылей.

Эстер вылила в раковину. Вода исчезла в сливе, оставив на эмали немного серого. Ей стало жалко так сильно, что захотелось заплакать.

У кухонного окна лежали точно такие же крупинки. Она взяла тряпку, но остановилась, не донеся до подоконника. В лаборатории Белл смахивала пыль кистью на стекло. Говорила, что нужно помнить, откуда всё взялось.

Здесь пыль лежала на старой краске, среди следов от мух, муки и всего, что попадало на окно в обычные дни. Эстер оставила её как была.

В шкафу стояли чистые банки. Руфь берегла их для варенья, хотя уже второй год почти не из чего было варить. На верхней полке находились маленькие, из-под покупного джема. Эстер сняла одну, проверила внутри. Банка была сухой; на стекле не осталось видимых следов. Крышка лежала рядом, завёрнутая в бумагу.

Она взяла банку и белое блюдо.

— Что делаешь? — спросила мать.

— Хочу собрать то, что падает.

Руфь оглянулась на дверь.

— Зачем?

Эстер не хотела врать ей. Но говорить про микроскоп было опасно: мать обязательно спросила бы, как она собирается опять попасть в школу.

— Чтобы утром посмотреть.

Руфь прижала к себе кружки. Не сказала ни да, ни нет. Эстер прошла к задней двери.

На улице воздух казался прохладным только первые секунды. Потом она почувствовала ту же жару. Пепел покрывал нижнюю ступеньку, землю и листья у стены. Он был светлее обычной дорожной пыли. Там, где его уже много намело, поверхность выглядела мягкой.

Она поставила блюдце на перила. Сначала прикрывала ладонью, потом убрала руку. Крупинки начали ложиться на белую поверхность: серые, чёрные, почти прозрачные. Некоторые были такими лёгкими, что ветер сразу уносил их. Другие остались.

Эстер ждала, отвернув лицо. Кашлять не хотелось, но в носу щекотало. Ей вспомнился десятилетний мальчик, вчера заснувший на диване: сейчас он тоже мог выбежать навстречу дождю.

На блюдце накопилось немного пепла. Она осторожно стряхнула его в банку, не касаясь пальцами. Часть прилипла к фарфору. Эстер решила не соскребать: того, что попало внутрь, должно было хватить. Закрыла крышку.

Вторая банка понадобилась для осадка на подоконнике. Она взяла его краем чистого листа, сложенного совком. Если образцы окажутся разными, можно будет спросить Белл почему. Если одинаковыми — тоже.

Ничто из этого ещё не объясняло свет. Эстер не знала даже, действительно ли это пепел. Но у неё теперь было две вещи, которые можно показать, а не только рассказать.

Она подписала узкие полоски бумаги: «Понедельник, ночь. С неба на блюдце» и «Кухонное окно». Обернула каждую вокруг своей банки, закрепила ниткой. Клей искать не стала: отец уже звал её из гостиной.

— Убрала?

— Да.

Он сидел у окна, повернув голову к полю. Перед ним стояла закрытая Библия.

— Тогда иди сюда. Мы ещё не закончили.

Она поставила банки за коробку со старыми кухонными полотенцами. Взяла чистую кружку и вернулась в гостиную. Отец посмотрел на неё, но ничего не сказал.

Молитва втроем началась и оборвалась через несколько минут. Кто-то подъехал к дому. Сайлас встал, раздражённо стряхнул невидимую соринку с брюк.

За дверью был Мерсер.

На его плечах лежал пепел. Пастор снял очки, протёр краем рубашки; стёкла стали ещё мутнее. Он спросил, все ли в порядке. Руфь ответила первой: окна закрыли, воду накрыли, пепел не пьют.

— Хорошо, — сказал он.

Скай перевёл взгляд на Эстер. Она сидела на краю стула, поставив кружку между ногами на пол.

— Калеб сказал, вы всю ночь не спали.

— Молились, — ответил Сайлас.

— И сегодня?

— Сегодня продолжили.

Мерсер подошёл к девочке, спросил, кружится ли голова. Она посмотрела на отца, прежде чем ответить.

— Иногда.

— Сколько ты сегодня пила?

Эстер попыталась сложить всё в одно число. Половина кружки перед сном, несколько глотков от матери, потом отец принёс ещё, но не дал допить. Она не знала, сколько осталось.

— Немного.

— Ела?

Отец положил руку на Библию.

— Мы постимся.

— Сайлас, ей шестнадцать. Такая жара. Она должна пить и есть.

Руфь стояла между кухней и гостиной, не двигаясь.

— Не учи меня заботиться о моей дочери, — сказал отец.

Голос его стал ниже. Эстер слышала его таким и раньше, обычно перед тем, как люди переставали возражать.

Скай придвинул к ней соседний стул и сел.

— Сейчас ей нужна вода. Потом еда. И сон.

— Ты считаешь, что я этого не понимаю?

Мерсер не ответил на вопрос. Посмотрел на Руфь.

— Принеси, пожалуйста.

Мать осталась на месте ещё секунду. Потом пошла на кухню.

Сайлас не остановил её. Он стоял над ними, держа книгу под ладонью. Эстер боялась, что пастор уйдёт раньше, чем она успеет выпить. Когда мать принесла воду, взяла кружку обеими руками.

Мерсер остался сидеть.

Руфь подогрела немного вчерашней фасоли. Эстер ела медленно: после первых ложек живот свело, пришлось остановиться. Отец подошёл к окну. За ним на стекле лежали серые дорожки, хотя ничего мокрого не было.

— Здесь тоже, — произнёс Скай. — У часовни всё засыпало. Мне звонили с южного конца. Нужно утром посмотреть, откуда это.

Сайлас спросил, что говорят в городе.

— Разное. Никто пока не знает.

— Именно. А уже пугают людей.

— Я прошу закрыть окна. Это можно сделать, не зная причины.

Эстер проглотила следующую ложку. Скай достал приёмник с ручной зарядкой, положил на стол. Он некоторое время вращал ручку, потом включил. На одной частоте передавали музыку, на другой шумели помехи. Наконец нашёлся голос: сообщали о сухих осадках в нескольких районах, просили беречь источники воды. Связь прервалась, прежде чем Эстер поняла, какие районы имели в виду.

Мерсер выключил радио.

— Пожары? — спросила Руфь.

— Не сказали.

Сайлас стоял спиной к ним. Он не повторял предположение о знаке, которое высказал первым гостям. Но Эстер видела, как внимательно он слушает каждую фразу, способную оказаться неправильной.

За холмом столп продолжал светить. Сквозь движущийся пепел он был похож на высокое раскалённое окно, которое никто не закрывает. Эстер постаралась не смотреть долго.

Когда тарелка опустела, Скай спросил, может ли она сама подняться к себе.

— Может, — ответил отец.

Пастор дождался её кивка.

Она встала. Ноги оставались тяжёлыми, но комната больше не отодвигалась от неё. Руфь помогла собрать посуду, и Эстер пошла на кухню следом.

Банки стояли там, где она оставила. Мать увидела, как дочь берёт их, но ничего не спросила. Девочка завернула обе в полотенце, прижала к животу и поднялась по лестнице.

Разговор внизу продолжался. Слов не было слышно. Только голос отца, потом пастора, пауза. Эстер поставила свёрток возле кровати и села. Хотелось лечь немедленно, но сначала она вынула тетрадь.

Записала, что падало с неба и не намочило землю. Что то же самое было у часовни и на южном конце — со слов Мерсера. Отдельно: «На радио говорили о нескольких районах. Названия не расслышала».

Ей пришлось сделать перерыв. Карандаш дрожал в пальцах, буквы выходили крупными, неровными. Она посмотрела на банки. Светлая пыль осела на дне и казалась ничтожной по сравнению с тем, что продолжало падать за окном.

Внизу закрылась дверь. Мерсер уехал.

Эстер прислушалась к шагам отца, но он не поднимался. Через некоторое время к ней вошла Руфь. Подала влажный уголок тряпки, чтобы дочь вытерла лицо, подождала, пока та закончит.

— Он сказал отдыхать, — произнесла мать.

Эстер не спросила кто. Ей было важно только, что сегодня к ней больше не придут.

Руфь вышла. Девочка завернула банки снова, спрятала в сумку под фотографию и рубашку. Положила тетрадь в атлас. Потом легла, не раздеваясь.

Крыша шуршала. В доме, который столько месяцев прислушивался к небу, никто больше не называл этот звук дождём.

Эстер закрыла глаза. Она собиралась утром показать Белл то, что упало. Как добраться до школы, ещё не знала. Но теперь ждать ответа у окна было недостаточно.

Багровый Столп

Глава 9

Под стеклом

Утром пепел перестал падать. Он лежал на дороге, на траве, в складках брезента над колодцем. Там, где ночью прошёл человек, оставались тёмные следы. В одном отпечатке возле крыльца можно было различить каждую поперечную полоску подошвы.

Эстер смотрела вниз из своей комнаты. Сайлас подметал ступеньки, отводя серое облачко в сторону от двери. Руфь удерживала тряпку у лица. Оба двигались медленно, будто после болезни.

Банки были целы. Девочка проверила крышки, переложила фотографию Беннетта в тетрадь и оставила её в атласе. В сумке теперь лежали только два образца, полотенце и пустая бутылка. Снаружи ничего не звенело.

На завтрак мать дала ей хлеб и воду. Отец не потребовал молитвы от дочери, произнёс её сам. Но, когда Руфь предложила Эстер остаться и поспать ещё, сказал, что поедут вместе.

— У часовни сегодня помощь нужна. Будешь сидеть в тени. Там и отдохнёшь.

Она не спросила, почему нельзя отдохнуть дома. Он уже следил за тем, как она ест.

По дороге пепел поднимался за каждой машиной. Вдоль оград люди сгребали его в небольшие кучки. У одного дома мужчина смачивать дорожку не стал, просто натянул ткань на рот и водил метлой по бетону. Серое летело ему на брюки и руки.

Сайлас закрыл своё окно. В пикапе стало жарко.

— Похоже на то, что от полей бывает, — сказал он. — Только светлее.

Эстер положила сумку между ступнями. Она помнила, как сыпалась земля из-под сельскохозяйственных машин. Этой ночью в небе никаких машин не было слышно.

У часовни насос молчал. Дора стояла у стола с карточками, повторяя каждому, что ждут новую цистерну. Вчерашний водовоз отогнали дальше: люк у него был открыт, возле колеса лежала металлическая крышка.

Мерсер встретил их на стоянке. Спросил Эстер, поспала ли, потом повернулся к Сайласу. Ночью, пока наполняли последние ёмкости, в воду попал осадок. Выдачу приостановили. Запас в закрытых канистрах оставался, но его уже разнесли тем, кто не мог ждать.

— Новая когда? — спросил отец.

— Едет. Водитель пока далеко.

Сайлас посмотрел на очередь. Людей было больше, чем в понедельник.

Эстер посадили под навес, возле стола с запечатанными пачками бинтов. Пастор принёс стул и попросил раскладывать упаковки по коробкам. Сам снова ушёл к Доре. Девочка поставила сумку под сиденье.

Она поработала несколько минут, поглядывая на дорогу. До школы можно было дойти. Теперь она лучше помнила повороты и знала, что дверь сбоку бывает открыта. Но отец находился у цистерны, лицом к навесу. Стоило ей подняться, он увидел бы.

Мерсер вернулся с большим тканевым мешком.

— Это в школу, — сказал он. — Их одеяла. Часть вернули, остальные здесь оставим. Договорились, что у них тоже запас будет.

Он положил мешок возле стола, заглянул в коробку с бинтами.

— Хорошо получается.

— Я могу отнести, — сказала Эстер.

Пастор посмотрел на неё.

— Тяжёлый.

— На тележке.

У стены стояла маленькая хозяйственная тележка с двумя колёсами. Вчера на ней возили полные канистры. Сегодня она была свободна.

Мерсер осмотрел мешок, потом тележку.

— Сначала спрошу у отца.

Она хотела попросить не спрашивать и промолчала.

Они поговорили у цистерны. Эстер не слышала слов. Сайлас смотрел на пастора, потом на дочь. Наконец подошёл к навесу.

— Отнесёшь и назад. Там не задерживаться.

— Хорошо.

Он проверил ручку тележки, поправил мешок. Сумку она надела через плечо. Отец не спросил, что внутри.

До школы Эстер шла осторожно. Колёса подпрыгивали на трещинах, и от каждого толчка отдавало в кистях. У открытого магазина женщина продавала поштучно медицинские маски. Покупатель отсчитывал деньги, не снимая с лица кухонного полотенца. Рядом стоял мальчик, держал пустую бутылку и смотрел на кассу.

Школьный двор был серым. Несколько человек выносили из здания матрасы. Один поставили возле стены прямо на землю, затем одумались и подняли. Белл у бокового входа показывала, как сложить их на деревянные поддоны.

Увидев Эстер с тележкой, она сразу подошла.

— Тебя прислали?

— От пастора. Одеяла.

Белл помогла втащить мешок. У входа стояла коробка для возвращённых вещей; внутри лежали полотенца, один пакет с простынями. Девочка поставила одеяла рядом.

— Можно посмотреть то, что я принесла?

Учительница взглянула на сумку.

— Что там?

Эстер достала первую банку.

— Ночью собрала. На чистое блюдо. Пока падало.

Белл взяла её, прочитала полоску бумаги. Поднесла к окну, осторожно наклонила. Пыль сползла по стеклу.

— Вторая с кухонного окна, — сказала Эстер. — Там могло быть ещё что-нибудь.

Учительница кивнула. Несколько секунд смотрела на светлое содержимое, потом опустила банку.

— Пойдём.

Эстер оставила тележку у входа. Люди продолжали носить матрасы. Никто не спросил, почему она уходит вслед за Белл.

В лаборатории стулья составили возле стены, большие столы накрыли старыми простынями. Маленькая комната осталась почти такой, какой Эстер её запомнила. Только вентилятор исчез с пола. Микроскоп всё ещё стоял у окна, под тканью.

Белл освободила место, достала чистые стёкла. Постелила на стол бумагу, на ней поставила банки. Сперва осмотрела сухое стекло без образца. Потом открыла банку с подписью «С неба на блюде».

— Немного, — сказала она, когда Эстер взяла маленькую лопатку из коробки. — Чтобы не лежало горой.

Девочка пересыпала несколько крупинок. Серое выглядело одинаково на белой бумаге и на стекле. Учительница закрыла банку, закрепила препарат, повернула зеркало к свету из окна.

Эстер наклонилась.

В круге было слишком много тёмного. Она подвинула стекло, как ей показали в воскресенье, и нашла участок, где частицы лежали реже. Некоторые не пропускали свет совсем, другие светились по тонким краям. Одна казалась плоской и надорванной, словно крошечная чешуйка. Рядом лежал белёсый обломок с неровным контуром.

Она настроила резкость. Сначала появился один край, потом другой. Середина оставалась мутной.

— Здесь, — сказала Эстер.

Белл посмотрела. Подвинула стекло, вернула назад.

— На этом увеличении мало что можно различить. Попробуем другой участок.

Они долго искали среди непрозрачных крупинок. Эстер начала бояться, что ничего не получится. Она вынесла банки мимо отца, дошла до школы, а теперь увидит только увеличенную пыль. Белл вернёт ей сумку и скажет, что надо ждать лабораторного анализа, которого никто не проведёт.

Потом учительница замерла над окуляром.

Она не произнесла ничего. Чуть повернула винт, снова подвинула стекло. Убрала руки со столика, посмотрела ещё раз.

— Что? — спросила Эстер.

Белл уступила место.

У самого края светлого обломка проступали дуги. Несколько, одна внутри другой. Они обрывались на изломе. Вдоль одной тянулись мелкие тёмные точки; две были вытянутыми, как прорези. Эстер попыталась взглянуть глубже, в середину частицы, но там снова становилось темно.

— Вижу круги, — сказала она.

— Дуги. Мы не видим целого.

Белл подошла к полке, сняла деревянную коробочку. Под крышкой, в отдельных пазах, стояли готовые препараты. На стекле, которое она вынула, была бумажная наклейка. Учительница прочла её и положила на стол.

— Сейчас другой. Запомни, что видела.

В новом препарате оказалось несколько полных кругов. Каждый окружали неровные кольца, и между ними лежали тёмные маленькие щели. Здесь всё было чётче; не приходилось искать прозрачный край.

Эстер отстранилась.

— Похоже.

— Посмотри ещё.

Она посмотрела. Учительница переставила первый образец, дождалась, пока девочка найдёт обломок.

Да. Дуги были другие, неполные, разорванные, но между ними тоже оставались тёмные щели. Эстер почувствовала, как вспотели ладони.

Белл взяла коробочку, положила на стол. Наклейка на готовом препарате была обращена к девочке.

«Кость. Шлиф».

Эстер прочла оба слова, потом опять первое.

— Это кость?

Белл села рядом с прибором.

— Очень похоже на фрагмент костной ткани.

— Человеческой?

— Этого я здесь не определяю.

Эстер смотрела на неё.

— Такая структура встречается не только у людей, — продолжила Белл. — И я не специалист по остаткам после пожара. Нужно, чтобы посмотрел человек, который умеет с этим работать.

— Но это с неба.

— Я понимаю.

Учительница взяла карандаш. На листе бумаги написала подпись банки, номер прибора. Несколько секунд держала карандаш над следующей строкой.

— Как давно собирала?

Эстер рассказала: после первых гостей, до приезда Мерсера. Небольшое белое блюдо из шкафа было чистым; осадок прямо сверху, она не брала с земли. Банка сухая, ложкой ничего не соскабливала.

Белл записала. Потом убрала стекло с частицами в пустую коробку, чтобы не смахнуть случайно.

Они посмотрели ещё один образец из той же банки. На тонкой светлой части частички были складки и мелкие ячейки; рядом лежало несколько волокон, очень ровных, параллельных друг другу. Эстер подвигала стекло. Волокна не уходили в клубок, как на воскресном кусочке бумаги, а обрывались вместе, по одному неровному краю.

Белл сменяла увеличение, проверяла освещение. Уверенности на её лице не появилось.

— Это тоже ткань? — спросила девочка.

— Может быть, остатки. Пока запишем, что видим.

— Какая ткань?

— Эстер, я не знаю. Похоже на органический материал, но одного вида волокон недостаточно. Не будем давать этому название, которое потом не сможем подтвердить.

Она написала на полях вопросительный знак. Девочка смотрела на него и думала о том, что в пепле не должно оставаться столько различного. Когда отец сжигал сухие ветки, от них оставалась лёгкая серость, которую можно было размять пальцами. Но она никогда не рассматривала её под микроскопом. Может быть, ветки тоже сохраняли внутри то, что были.

Они открыли вторую банку. На подоконнике к осадку добавились длинные волокна и прозрачные осколки. Белл сказала, что это могло попасть с кухонных вещей. Однако в новой порции тоже нашёлся светлый обломок, у тонкого края которого лежали тёмные прорези.

Учительница стала писать быстрее.

За стеной кто-то позвал её. Белл ответила, что сейчас придёт, но не поднялась. Проверила обломок ещё раз, зарисовала. Эстер взяла отдельный лист и тоже сделала рисунок. На этот раз круг света рисовать не стала.

— Они у тебя дома? — спросила Белл.

— Кто?

— Родители. Ты ведь пришла от часовни.

Эстер посмотрела на дверь.

— Отец там. Велел сразу назад.

Белл отложила карандаш.

— Тогда сейчас пойдём. Я с тобой.

— Зачем?

— Верну тележку и поговорю со Скаем. Нужно попытаться передать это дальше.

Девочка положила ладонь на первую банку.

— Вы заберёте?

— Если позволишь. Хотела бы оставить часть здесь, часть отдать для анализа. Самой тебе тоже оставляю.

Эстер убрала руку. Они пересыпали половину содержимого в другую сухую баночку. Белл написала на ней ту же подпись и добавила, что это часть образца. Готовые стёкла уложила отдельно, сделала отметки на бумаге, чтобы потом не перепутать. Из второй банки оставила себе маленькую порцию, остальное вернула девочке.

— Не открывай их без нужды, — сказала она. — Пусть остаются такими.

Эстер завернула банки. Рисунок сложила отдельно и убрала под полотенце. У неё было чувство, что она должна ещё раз посмотреть в микроскоп, пока он здесь, пока можно увидеть и проверить. Если отойти, всё опять станет рассказом, который другим легко не услышать.

Она наклонилась к окуляру. Белл подождала.

Обломок лежал там же. Свет проходил через его тонкий край, и дуги не исчезали.

Когда они вышли в коридор, учительницу остановил мужчина с пачкой листов. Нужно было решить, в каких кабинетах укладывать людей. Белл быстро объяснила, что вернётся.

Эстер повезла пустую тележку. Учительница шла рядом, не торопила. Дорога была той же, но девочка замечала теперь каждую серую кучку. У водостока, возле скамьи, на листьях в палисаднике. Люди наступали на осадок, смахивали ладонями, переносили на обуви в дома.

— А если это от животных? — спросила она.

— Может быть.

— Сгорела ферма?

— Может быть. Тогда нужно найти, какая. И понять, как это сюда попало.

Эстер вспомнила свет за холмом.

— А если от тех, кто вошёл?

Белл остановилась у перехода. Машина проехала мимо, подняв сухое облако. Они дождались, пока оно уляжется.

— Тогда нельзя позволять туда идти, — сказала учительница.

— Никто не поверит.

— Сначала надо узнать, что мы можем доказать.

Эстер не ответила. Люди подходили к столпу по дороге, которая была открыта сейчас, пока она везла пустую тележку, а Белл собиралась узнавать. Они могли не дожидаться того момента, когда кто-то сумеет назвать каждую частицу.

У часовни Сайлас стоял возле навеса. Он сразу увидел их. Девочка крепче взялась за ручку.

— Я сказал не задерживаться.

— Это моя вина, — ответила Белл. — Попросила помочь. А сейчас мне нужно поговорить с пастором.

Отец посмотрел на учительницу, потом на сумку дочери.

— О чём?

— О том, что выпало ночью.

Он не отступил.

— Что же там оказалось?

Эстер задержала дыхание. Белл говорила спокойно:

— Материал, который нужно проверить. Я хотела бы отправить образцы.

Сайлас коротко усмехнулся.

— Ещё не проверили, а уже ходите пугать.

— Я никого пока не пугала.

Учительница посмотрела в сторону цистерны. Дора показывала кому-то запись в списке, рядом стоял Мерсер. Белл пошла к нему. Отец проводил её взглядом.

— Сядь, — сказал он Эстер.

Она вернула тележку к стене и села. Сумку держала на коленях. Бинты по-прежнему лежали в коробках, на столе было пусто. Ей казалось, что белые упаковки похожи на те крупинки в банке, хотя между ними не было ничего общего.

Белл разговаривала со Скаем долго. Он выслушал, затем отошёл от очереди, чтобы лучше расслышать. Она показала лист с рисунком. Пастор взял его обеими руками, посмотрел, что-то спросил. Учительница ответила, качнув головой.

Эстер не могла узнать по их лицам, поняли ли они то, что страшило её. Скай достал телефон и отошёл к машине. Белл осталась ждать.

Отец стоял в двух шагах от навеса.

— Ты тоже что-то узнала? — спросил он.

Эстер посмотрела на него.

Слова «кость» и «ткань» уже поднялись к горлу. Ей хотелось произнести их, увидеть, как он остановится, как все его уверенные объяснения хотя бы на секунду оставят его. Но за ним шли люди с пустыми канистрами, и каждый мог увидеть, что дочь опять возражает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.